

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/019100ce-76c4-76c4-a1e7-e3fee70af75>

Неудобные

Направленность: Гет

Автор: MBelinskaya (<https://ficbook.net/authors/1222308>)

Беты (редакторы): Anya Brodie (<https://ficbook.net/authors/3153859>)

Гаммы: Mekisa (<https://ficbook.net/authors/1132917>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Гермиона Грейнджер/Драко Малfoy, Блейз Забини/Джинни Уизли, Гарри Поттер

Рейтинг: NC-17

Размер: 79 страниц

Количество частей: 8

Статус: завершён

Метки: От врагов к возлюбленным, Галлюцинации / Иллюзии, Серая мораль, Совместная кровать, Напарники, Смерть основных персонажей, ООС, Романтика, Ангст, Драма, Мистика, Психология, Аврорат, Фастберн

Описание:

— Давай зарезюмируем, — сказал Блейз, опуская лист обратно. — Ты с Грейнджер отправляешься в отпуск, где вы едва не в обнимку проведёте несколько дней, а по возвращении тебя ещё и повысят?

Примечания:

Работа, частично написанная под вдохновением от 1984 Джорджа Оруэлла. Но осознаем мы это только в конце.

Посвящение:

Дорогой Ангелине https://t.me/pearl_potter_18 за идею леса, вдохновение на 8 главу и веру в мои силы

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора / переводчика

Оглавление

Оглавление	2
Акт 1 «Перемирие»	3
Примечание к части	13
Акт 2 «Лес галлюцинаций»	15
Примечание к части	26
Акт 3 «Мои демоны».	27
Примечание к части	36
Акт 4 «Поцелуй с привкусом жизни».	37
Примечание к части	46
Акт 5 «Разрушение»	47
Примечание к части	56
Акт 6 «Поражённое сознание»	57
Примечание к части	65
Акт 7 «Точка невозврата»	66
Примечание к части	76
Акт 8 «Это всё, что нам осталось»	77
Примечание к части	84

Акт 1 «Перемирие»

Люди неторопливо бродили по лондонским улицам, озираясь на утончённые здания и замирая перед витриной пекарни, засматриваясь на выпечку. Многие заходили внутрь, соблазняясь на послеобеденный перекус, а остальные отворачивались, высоко вздёрнув носы, и шли дальше. Недавние новости о крысах в этом районе не очень-то отпугивали постоянных посетителей. Вероятно, они старались не думать о процессах приготовления кулинарии.

Гермиона усмехнулась воспоминаниям о последнем митинге анимагов в Министерстве магии, после которого и поползли слухи о живности, бродящей на кухнях близлежащих заведений. Знали бы люди, сколько их гипотез и «внезапных» новостей объяснились бы волшебным сообществом за пару минут.

Очередной поток ветра и молния, блеснувшая за одним из зданий, заставили Гермиону поёжиться и нырнуть рукой в карман пальто. Выудив пачку сигарет и зажигалку, она закурила, жадно вдыхая никотин. Дым, бродящий по горлу, неприятно горчил, отчего она слегка кривилась. Но мимолётное, едва ощутимое чувство удовлетворённости расслабляло.

Она начала курить совсем недавно, если полгода можно назвать маленьким сроком. Вкус никотина ей не нравился, количество потраченных на него денег тоже, но Гермиона гналась за призрачным чувством насыщения. Слово на мир опускалось всепоглощающее Остолбеней, звуки приглушались, картины перед глазами блекли, а мысли утихали. Несколько минут умиротворения вдали от суматохи, проблем, недостигнутых целей и нереализованных задач.

Иронично, что в детстве Гермиона уверяла родителей, что никогда не будет курить и в руки не возьмёт сигарету. Но вот прошли годы, отец и мать её не помнят, а она сама затягивается никотином так, будто это вода в пустыне.

Гермиона старалась не злоупотреблять, обещая, что как только добьётся желаемого, то изменит образ жизни. Но время шло, а поставленная цель не была видна даже в самый продвинутый бинокль. Должность невыразимца, пустующая уже несколько месяцев, всегда ускользала от неё, как только Гермиона к ней прикасалась.

Поэтому она работала на износ.

Всё с пометкой «сложно», «опасно», «требуется завещание» попадало в её руки, и она успешно с этим справлялась. Да, приходилось мириться с, как ей казалось, несправедливостью, постоянно меняющимися напарниками, огромным потоком информации, трёхчасовым сном и изнуряющими тренировками. Но Гермиона верила, что цель стоит потраченных ресурсов.

Однако всё было без толку. Кингсли либо не видел, либо вовсе не планировал замечать её старания, апеллируя фразой «я подумаю над твоей кандидатурой». Осыпать сотней лестных слов? Пожалуйста. Дать награду? Премию? Нет проблем. Но не позволить ей занять место, которым она грезила.

Это злило, раздражало и вводило её в состояние пассивной агрессии, которой отличался Малфой. Разница в том, что Малфой при этом оставался

хладнокровным и непоколебимым аврором со стальной выдержкой. А она выходила из себя при каждом удобном и неудобном случае, особенно когда ей приходилось сотрудничать с не самыми приятными личностями.

Малфой любил напоминать, что с её темпераментом работать нужно подальше от Аврората и Министерства магии в целом. А она никогда не упускала возможности отметить, что с его любовью к оценке чужих способностей долго он не проживёт.

Гермиону и Малфоя часто ставили вместе на задания, будто бы гадали, в какой раз они друг друга всё-таки убьют.

— Ты уже здесь, — воодушевлённо сказал подошедший Гарри и сразу удивился. — Это какая сигарета?

Гермиона нахмурилась, не понимая вопроса, а после её взгляд опустился на урну позади, сверху которой лежало три окурка той же марки, что и у неё между пальцев.

Когда она успела?

Затушив сигарету, Гермиона бросила её позади и глубоко вдохнула свежий майский воздух, пытаясь совладать с волнением. Сегодняшний вызов Кингсли должен был её радовать, как и все предыдущие, потому что в любой момент он мог ответить ей «да». Но наработанное месяцами предчувствие подсказывало, что она ошибается.

— Нервничаешь из-за Малфоя? — спросил Гарри, делая глоток из картонного стаканчика с чаем.

Взгляд Гермионы коснулся небольшой кофейни дальше по улице и криво написанного «Гарри» на сером цвете.

— Не понимаю Кингсли, — покачал головой он и упёрся плечом в стену. — Первая строка в каждом моём отчёте о том, что вы не можете сработаться.

— Замечу, что раскрываемости это не мешает, — улыбнулась Гермиона.

Гарри тихо засмеялся и кивнул.

— Только вчера я сдал ему последний, а сегодня утром он вызывает вас двоих для нового дела, — возмутился Гарри.

Иногда было чувство, будто каждой такой тирадой он пытался напомнить Гермионе, что делает всё возможное для решения хотя бы части её недугов.

— Малфой уже приехал? — с переигранным равнодушием спросила Гермиона.

— Нет, — выдохнул Гарри и выбросил пустой стаканчик в урну.

Гермиона поджала губы и многозначительно кивнула, обходя Гарри, чтобы напрямую отправиться к кабинету министра. Оказавшись совсем рядом, она положила руку на плечо Гарри, смотря в зелёные глаза и улыбаясь.

— Спасибо за всё, что делаешь.

Получив одобрительную улыбку, Гермиона поспешила к главному входу.

— Доброе утро, Гермиона, — улыбнулся Рон, встретив её у лифта.

Он быстро подошёл к ней, на секунду притягивая в объятия. Лицо его едва не сияло, а рыжие волосы, казалось, слегка подпрыгивали от пестрящего удовольствия. Если она однажды соберётся отпуск, то будет уходить в него с не меньшим энтузиазмом.

— И я рада тебя видеть, — сказала Гермиона. — Портключ уже забронировали?

— Первым делом сегодня утром, — развёл он руками. — А после распечатал для Кингсли несколько важных документов.

Произнеся это, Рон загадочно улыбнулся и подмигнул ей. Он часто так делал, чтобы в случае вопросов сделать вид, будто понятия не имеет, откуда просочилась информация, но вместе с этим взбодрить близких. Будучи помощником министра, выполняющим зачастую спокойную и бумажную работу, Рон пользовался положением в девяноста процентов случаев. Не всегда умело и искусно, но за это Кингсли его и ценил.

Рон слишком рассеян, чтобы задавать лишние вопросы. Совершенно не амбициозен для попыток подсидеть. И крайне исполнительен, если раз в месяц устраивать ему показательную порку. Слово наручные часы, которые нужно время от времени заводить.

Поначалу Гермионе это казалось ужасным, она не привыкла слышать замечания в адрес своей работы, и, как правило, их не было. Но она понимала, что Рон не был идеальным сотрудником. Рабочий день начинался ровно в восемь утра и не минутой раньше, между несрочными, как ему казалось, делами он листал квиддичные журналы, на обед собирался за двадцать минут до, обратно никогда не возвращался вовремя, а уже в семнадцать часов дверь за ним закрывалась.

Отношение Кингсли к Рону стоило качества исполнения обязанностей.

— Документы начинаются со слов «Приказ о назначении»? — хитро улыбнулась Гермиона, смотря на Рона.

— Скорее да, чем нет.

Подмигнув ей, Рон попрощался и поспешил прочь. Усмехнувшись ему вслед, Гермиона нажала на кнопку вызова лифта и остановила взгляд на меняющейся цифре.

— Доброе, Грейнджер.

Малфой замер рядом с ней, так же внимательно наблюдая за меняющимися

этажами на табло. Гермиона повернула голову, осматривая его. Иногда у неё складывалось ощущение, будто она единственная, кто в этом месте работает на износ, пока остальные успевают жить.

Ботинки Малфоя, как всегда, поблёскивали даже в тусклом свете коридора. На идеально выглаженных брюках не виднелось ни одной складки. Белая, словно снег, рубашка была расстёгнута на две верхние пуговицы, аврорская мантия внушительно обтягивала плечи. А идеально уложенная причёска напоминала ей об утренних мучениях перед зеркалом.

У него есть специальный раб, следящий за имиджем?

— Оно было добрым, пока ты не пришёл, — хмыкнула Гермиона, скрестив руки на груди.

Малфой прыснул от смеха.

— Девятнадцатый раз за месяц слышу от тебя эту фразу, — разыгрывая разочарование, отметил Малфой. — Почитай словарь синонимов на досуге.

— Я так серьёзно к нашим разговорам не отношусь, — фыркнула Гермиона.

Раздался звук приехавшего лифта. Сотрудники быстро покинули кабину, и Гермиона спешно оглянулась, к своему сожалению понимая, что никого больше нет. Быстро зайдя внутрь, она нажала на нужный этаж, наблюдая за тем, как Малфой вальяжно вошёл следом.

— А зря, — пожал плечами Малфой, следя за табло. — В твоей жизни не так много событий, чтобы не ценить минуты со мной.

Очаровательно улыбнувшись, Малфой кивнул ей на выход, как только двери открылись. Закатив глаза, Гермиона спешно последовала к кабинету министра. Она могла ответить, причём так, что их следующие реплики будут звучать всё громче. Но нет, не сегодня, у неё не хватит оставшихся сигарет для ещё одной стычки.

Тем более в мыслях Гермионы ещё трепетала надежда, что их не ждёт совместное дело, но Кингсли разобьёт её. *Снова*. Он всегда так делал, будто испытывал извращённое удовольствие от их с Малфоем работы. Причём оно особенно обострилось в последние месяцы.

— Уизли снова нет на рабочем месте, — хмыкнул Малфой, осматривая бардак на столе секретаря. — Это трёхлетний выпуск «Квиддич сегодня»?

Но не успел Малфой оскорбить Рона ещё пару раз, как дверь открылась и голос Кингсли послышался из глубины кабинета. Проследовав внутрь, Гермиона увидела довольного министра, сидевшего за столом и разбирающего бумаги. Порой складывалось ощущение, что в них не было ничего важного, будто он не рисковал доставать поистине важные документы при других.

Гермиона опустилась на небольшой мягкий диван в углу, а Малфой рядом с ней. Они часто располагались здесь именно так. Гермиона всегда перекидывала ногу на ногу, специально усаживаясь ближе к середине, чтобы не дать Малфоем слишком много места. А Малфой, будто назло ей, раскидывал руки по спинке,

пальцами едва касаясь её волос, и расставлял широко ноги, отчего тепло его тела изредка доходило и до неё.

Кингсли сидел напротив в кожаном кресле, походившем скорее на трон из-за высокой спинки. И сегодня не стало исключением, разве что сейчас Кингсли положил перед собой два пергамента, с улыбкой смотря на авроров.

— В мою молодость получить задание напрямую от министра магии было честью, — пояснил Кингсли, бегая взглядом от Малфоя до Гермионы. — Уверен, что сейчас это не изменилось.

Он всегда выдерживал длинные паузы между предложениями, словно таким образом пытался подогреть интерес. Как напряжённая музыка в фильмах или детальное описание грозы в книгах — нужно почувствовать важность момента до того, как тот произойдёт.

— Вам предстоит отправиться в Румынию, а именно побывать в лесу Хоя-Бачу, — произнёс Кингсли.

На лице Малфоя это не вызвало явных эмоций, когда Гермиона заметно вздрогнула, хмуря брови от упоминания места. Лес в Трансильвании, носящий настолько сомнительную славу, что большинство людей боялись к нему приближаться. А те, кому довелось там побывать, либо не вернулись, либо совершенно не помнили, что с ними произошло.

— Вижу, мисс Грейнджер понимает, о чём я, — улыбнулся Кингсли, переводя взгляд на Малфоя, — и расскажет, что вам стоит там ждать.

Гермиона коротко кивнула, сглотнув ком, подступивший к горлу.

— В этом лесу расположен важный артефакт — медальон.

Сказав это, Кингсли опустил перед ними пергамент, где изображалось ожерелье. Оно напоминало каплю воды, находящуюся в двух других, более крупных. На краях виднелись руны, но затёртая бумага не позволила даже примерно расшифровать гравировки.

— Отправляйтесь в лес, добудьте артефакт и принесите его мне, — чётко сказал Кингсли и, заметив немой вопрос в глазах Гермионы, продолжил: — Он был украден из нашего Министерства пару веков назад, и мы наконец смогли обнаружить его местонахождение.

Услышав это, Гермиона облегчённо выдохнула. Иногда задания, идущие напрямую от Кингсли, озадачивали её, заставляя сомневаться в праведности министра и его целей. Но он всегда развеивал её сомнения относительно причин поступков и дел, что ей доверялись. Несмотря на веру в Кингсли и уверенность в светлости его намерений, у неё всё равно возникали вопросы.

Кто-то называл подобное чутьём, но Гермионе казалось, что это годами выработанная потребность всё знать.

— И по результату этого задания приказы будут подписаны, — Кингсли кивнул на свёртки пергамента, словно разрешая их развернуть.

Гермиона аккуратно взяла свой и убедилась, что это назначение о переводе в Отдел тайн на должность невыразимца. Той, о которой она грезилась, из-за чего работала на износ и требовала от себя намного больше, чем могла сделать.

В эту секунду Гермиона чётко решила, что задание будет выполнено. Причём настолько идеально, что подпись Кингсли поставит в ту же секунду, когда артефакт коснётся его ладони.

Переведя взгляд на Малфоя, Гермиона не заметила улыбки. Как правило, он был скуп на подобные проявления чувств. Малфой скрывался за равнодушием, усмешками и язвительными замечаниями.

Но сейчас, несмотря на каменное выражение лица, она видела в его глазах блеск. Гермиона не знала, что сказано в его свитке, но была уверена, что отдача Малфоя будет не меньше, чем её.

— Люциус там в гробу перевернулся, — хохотнул Блейз, перечитывая приказ.
— Драко Малфой — заместитель главного аврора магической Британии.

Забрав у Блейза пергамент, Драко бросил на него кривой взгляд и опустил обратно в кресло. Стоявший рядом домовик продолжал лениво переключать вещи в чемодан, задавая Драко уточняющие вопросы. Наблюдая за этой картиной, Блейз усмехнулся и стащил со стола небольшую записку с датой и местом встречи.

— Давай зарезюмируем, — сказал Блейз, опуская лист обратно.

Подняв взгляд на него, Драко тяжело выдохнул, предвкусывая вывод, который ему явно не понравится.

— Ты с Грейнджер отправляешься в отпуск, где вы едва не в обнимку проведёте несколько дней, а по возвращении тебя ещё и повысят? Почему я отказался от Аврората, когда ты предлагал?

Драко хмуро посмотрел на Блейза, который, кажется, не помнил, что из себя представляет Грейнджер, и не понимал уровень опасности в злополучном лесу. Впрочем, насколько там небезопасно, Драко осознавал отдалённо. О той местности он знал, но мало, а проверить артефакт даже в одной из книг времени не хватало. Отправление было уже завтра, и последнее, что он сейчас хотел, это закопаться в фолиантах. Перед продолжительным общением с Грейнджер ему нужно было отдохнуть.

Едва ли она станет пускать под откос их общую задачу, ценность которой для неё не меньше, чем для него. Драко видел, как горели её глаза, когда она читала пергамент. Узнать, что там, возможности не представилось, но это было важно для Грейнджер и определяло ситуацию. Но вместе с этим Драко понимал, что просчитать ходы ведьмы сложно так же, как удержаться от комментариев, взглянув на Уизли.

Грейнджер не поддавалась прогнозам, не принимала примитивных решений и, как правило, действовала только ей понятными путями. Это раздражало, потому что Драко предпочитал контролировать всё, что его касалось. И

восхищало, ведь эти качества для аврора были особо важны, и с учётом его скорого повышения Драко пора научиться ценить Грейнджер.

Вероятно, несколько дней бок о бок должны этому поспособствовать? Сотрудничать с ней придётся, и если раньше его слабо волновало, останется она там работать, как справляется с делами и насколько важна для Аврората, то теперь эти вопросы интересовали его.

— О чём ты думаешь с таким лицом? — хитро улыбнулся Блейз, склонив голову набок.

— Как не убить Грейнджер в первый день, — ухмыльнулся Драко, поднимаясь с кресла и глядя на собранный чемодан.

Блейз встал рядом, смотря так, будто бы Драко сообщил ересь похуже, чем вещал в своё время Грозный Глаз.

— Даже с Поттером ты смог договориться, — развёл руками Блейз. — У вас с ней общая цель, прекратите вести себя как второкурсники и обсудите всё.

— Конечно, это же так просто — наладить контакт с Грейнджер, — недовольно произнёс Драко и выгнул бровь. — Займусь сразу, как выпью с Поттером и затащу Уизлетту в койку.

Глаза Блейза тут же расширились, и он едва не потянулся за палочкой, собираясь наслать проклятие, когда Драко рассмеялся и похлопал его по плечу.

— Меня начинает пугать твоя одержимость рыжей, — отметил Драко, призывая пиджак из спальни. — А теперь пойдём выпьем. Мне нужно расслабиться.

Блейз несколько секунд смотрел на Драко, словно подбирая решение, а после схватился за палочку. Но произнёс не проклятие, а вызвал патронус, отправляя предложение о встрече Уизлетте. С небольшой пометкой: *взять Грейнджер*.

— Ничто не располагает к налаживанию контактов лучше, чем громкая музыка, огневиски и целый бар незнакомых людей, — сказал довольный собой Блейз и подошёл к зеркалу, поправляя одежду.

Драко знал, что между ним с Уизлеттой есть связь, причём далеко не дружеская. Но не предполагал, что однажды это может сыграть ему на руку. Никто, кроме как рыжая, не заставит Грейнджер пойти вечером в бар, это он уяснил по их многочисленным разговорам. Причём настолько громким, что услышать их можно было не только из соседнего кабинета, но даже из близлежащей страны.

И Уизлетта побеждала в девяноста из ста случаев. Поэтому ухмылка сама по себе расплылась на лице Драко, пока он наблюдал за собиравшимся Блейзом.

В воздухе показалось голубое свечение, и послышался цокот копыт. Лошадь промчалась от потолка вниз, снижаясь с каждым кругом, пока не показалась рядом с Блейзом.

Голос Уизлетты эхом отскочил от стен:

— Через час в нашем месте. Наденешь мою любимую рубашку?

Последнее было сказано тихо и вкрадчиво, будто шёпот в ночи. Хорошо, что Уизлетта не знала, кто ещё здесь находился и куда в итоге отправился патронус. Иначе вместо хорошего вечера Блейза бы ждало полуторачасовое объяснение ситуации.

А Уизлетту было сложно переубедить, и раз это не получалось даже у Грейнджер, всегда стоящей на своём до конца, то о судьбе Блейза и думать больно.

— У неё есть любимая рубашка? — ухмыльнулся Драко.

Блейз повернулся, и на душе потеплело. Глаза горели, улыбка украшала лицо, а желание жить будто заиграло в троекратном размере. Даже если у них с Грейнджер не выйдет поговорить, то хотя бы Блейз сегодня проведёт хорошо время.

— Гриффиндорки падки на символизм, — подмигнув Драко, отметил Блейз.
— Камин открыт?

«Нашим местом» Уизлетта называла один из малочисленных магических баров, куда можно было пойти и не умереть от местного алкоголя. Драко не так часто посещал подобные заведения, считая их второсортным развлечением, где можно подхватить если не болезнь, то отравление. Но, став аврором, причём достаточно уважаемым, с чьим мнением считались, приходилось время от времени собираться.

И «Платинум» был одним из мест, которые он посещал спокойно. Здесь можно было выпить качественный алкоголь, послушать хорошую, а иногда и живую музыку и хотя бы ненадолго расслабиться. Обычно здесь собирались авроры, их друзья или знакомые, так как заведение находилось рядом с Министерством. Поэтому потасовок не было, а провести вечер за шутками над Ноттом и его попытками понравиться Гринграссам становилось делом чести.

Но сегодняшний вечер не предвещал спокойствия. Драко давно для себя решил, что, когда звучала фамилия «Грейнджер», умиротворение его покидало.

— Малфой, — бармен поднял руку перед собой, будто здороваясь, и отлевитировал Драко стакан с огневиски.

Увидев это, Блейз усмехнулся.

— Я чего-то о тебе не знаю? — спросил он, принимая свой бокал. — В прошлый раз вы только познакомились.

— Рабочие моменты, — усмехнулся Драко и прошёл в глубь заведения.

Ненавязчивая музыка ласкала слух, знакомые, хоть и не все желанные, лица то и дело попадались на глаза, а вкус огневиски обжигал горло. Драко прошёлся

взглядом по бару в поисках свободного стола, когда увидел копну рыжих волос. Заметить Уизлетту было легко, поэтому уже в следующую секунду Блейз, слегка задев Драко плечом, поспешил к ней.

— Ты всегда так легка на подъём или дело во мне? — он откинулся на стену позади себя, с упоением рассматривая Уизлетту.

— Не зазнавайся, Забини, — она толкнула его в плечо, громко рассмеявшись.

Ни кротких взглядов, ни блеска в глазах, которые были, когда они покидали Мэнор. Блейз со скоростью снитча надел маску самоуверенного волшебника с явной потребностью во флирте. Это была не лёгкая влюблённость с глупой улыбкой и получасовым ритуалом у зеркала. Ухмылка, двусмысленные шутки, неслучайные прикосновения и внимательные взгляды.

Грейнджер скованно стояла рядом со столом, делая вид, будто изучает интерьер. Впрочем, возможно, это было взаправду. Последние полгода она едва не жила в своём кабинете, вряд ли у неё получалось посещать это место.

Когда он приходил в Аврорат, она уже там была, когда Драко покидал его — она ещё сидела в кресле. Грейнджер долго и безвылазно работала и не исключено, что над содержимым своего пергамента. Если это так, то тем лучше для него, она гораздо быстрее согласится на его предложение.

— Грейнджер, — сказал он, осматривая её с ног до головы.

Короткое платье, явно выбранное Уизлеттой, выглядело странно, не по-грейнджеровски. И дело было не в длине или чрезмерной открытости, скорее оно не подходило её внутреннему содержанию. Грейнджер красива, это факт, который он давно принял, хоть поначалу и со скрипом. Но вместе с этим она оставалась умна, язвительна и невыносимо эффектна, особенно когда открывала рот.

Поэтому платье цвета земли, стягивающее грудь и постоянно поднимающееся вверх, ей не шло. Подбирай одежду Драко, он бы выбрал бордовый оттенок, в цвете Гриффиндора, с открытыми плечами, декольте и свободной юбкой от талии и вниз. Она бы развевалась, подобно её волосам, не сковывая плавных, но уверенных движений.

О чём он думает и как долго вообще на неё смотрит?

— Я бы спросила, что не так, — протянула Грейнджер, поймав его заинтересованный взгляд на своём теле, — но меня твоё мнение не волнует.

— Поэтому решила мне это сказать? — ухмыльнулся он, убирая руки в карманы брюк.

Она вздёрнула подбородок, рассматривая его лицо, будто пытаюсь прочесть мысли. Драко стоило бы испугаться, но она не владела легилименцией.

— Меня прельщает твой обескураженный вид, — пояснила она, и край её губ дёрнулся в улыбке.

— Когда заметишь его, скажи обязательно, — ответил Драко.

Грейнджер уже набирала воздух, чтобы ему ответить, когда в разговор вклинилась Уизлетта, приглашающая Грейнджер танцевать. Но Блейз, сразу ухвативший Уизли за талию, что-то беззвучно шепнул ей на ухо. Уизлетта тут же посмотрела на него через плечо, бросила мимолётный взгляд на Драко и без промедлений последовала за Блейзом.

Да, это ни капли не подозрительно.

Грейнджер прищурилась, повернувшись к Драко, скрестив руки на груди и выгнув бровь.

— Ты что-то хотел? — вкрадчиво спросила она

— А я уже стал сомневаться в твоих умственных способностях, — ответил он и подошёл ближе, убеждаясь, что рядом никого не было.

Грейнджер выставила ладони перед собой, поднимая на него взгляд из-под ресниц. Карие глаза заметно округлились, а поджатые губы выдавали настороженность. Драко вытянул руку и указал ей на диван сбоку от стола, предлагая присесть. Грейнджер отошла от него и опустилась на кожу, скрипнувшую от прикосновения её бёдер.

Подвинувшись к стене, Грейнджер развернулась корпусом к Драко, сложив ногу на ногу и спиной откинувшись назад.

— Я тебя слушаю.

Его слегка раздражало явное пренебрежение в её поведении и хотелось высказать ей нечто колкое, но он сдерживался. Дело превыше всего.

— Нам нужно взять перемирие на это дело, — произнёс он, видя, как взгляд Грейнджер оттаял.

— Я тоже собиралась это предложить, но завтра, — спокойно ответила она, расслабляясь и усаживаясь удобнее.

— Хоть в чём-то мы солидарны, — выдохнул Драко, откидываясь на спинку дивана. — Огневиски?

— Не откажусь, — улыбнулась Грейнджер.

Через пару минут бокалы оказались перед ними. Грейнджер взяла свой, собираясь выпить, когда Драко положил руку на её запястье, останавливая. Приподняв напиток, он сказал:

— За перемирие?

Грейнджер тихо засмеялась и кивнула, ударясь с ним бокалами и делая небольшой глоток, от которого сразу поморщилась. Улыбка на лице Драко проступила невольно от её вида, ему это даже показалось милым.

От собственных мыслей он свёл брови к переносице.

— Раз на то пошло, — вдруг начала она, отодвигая бокал, — я навожу справки об артефакте, и нужен фолиант, у меня его нет, но...

— Наше перемирие длится две минуты, а ты уже раскручиваешь меня на книгу? — усмехнулся Драко. — А ты коварная, Грейнджер.

Она улыбнулась и под села ближе к нему, почти вплотную, обдавая его лицо тёплым дыханием.

— Ты не представляешь, какой я могу быть, — прошептала она.

На мгновение Драко решил, будто спит или это изысканная галлюцинация, но уже в следующую секунду Грейнджер громко рассмеялась.

— Обожаю твоё замешательство, — покачала головой она. — И теперь могу насладиться им без ответного оскорбления.

— Сама напросилась, — выдохнул Драко.

Достав палочку, он направил её на платье Грейнджер, которое сразу изменилось. Бордовая ткань мгновенно покрыла тело, ляжки легли на плечи, создавая глубокое декольте, а юбка свободно опустилась чуть выше колен.

— Спасибо? — произнесла Грейнджер, переводя взгляд на Драко.

— Оно меня жутко раздражало, — ответил он и сделал глоток из стакана.

— Меня тоже, — шепнула она, благодарно кивнув.

Отодвинув от себя напиток, Грейнджер попросила тыквенный сок и сделала несколько жадных глотков, когда его принесли. Согласилась она на огневиски только из-за Драко или считала, что договариваться лучше под крепкий алкоголь, он не знал, да и не хотел, его вполне устраивала небольшая неизвестность в этот раз.

— Я напишу тебе название книги...

— Мы можем отправиться в Мэнор, и ты сама найдёшь в библиотеке всё, что нужно, — пожал плечами Драко.

— Перемирие длится несколько минут, а ты уже зовёшь меня к себе? — передразнивая Драко, спросила Грейнджер.

Она старалась шутить, улыбаться и без обид воспринимала взаимное подначивание. словно уже не воспринимая его сугубо на свой счёт, а принимала как нечто товарищеское, даже дружеское. Из-за этого тепло медленно лилось по сознанию Драко, всё дальше уводя его от цели перемирия и их завтрашних планов. словно привычный и понятный мир рассеивался перед глазами, уводя их всё дальше, в наслаждение друг другом.

И Драко это нравилось, но что более важно — его чувство было взаимным.

Начало истории выглядит гораздо позитивнее, чем её продолжение. Здесь нам должно быть хорошо, весело и многообещающе, но будьте осторожны. Порой даже самые однозначные начала скрывают подвох.

Больше о работе, тизерах и следующих главах в моём тг-канале
<https://t.me/friendmalfoy>

Делитесь впечатлениями)

Акт 2 «Лес галлюцинаций»

Машина подскочила, преодолев очередную яму на витиеватой тропе, которую по иронии называли «дорогой». Малфой вобрал в лёгкие побольше воздуха, бросая злобный взгляд на не замолкающего таксиста, и отвернулся к окну. Гермиона не знала, было это частью перемирия или нет, но пары остроумных комментариев от Малфоя сейчас не хватало.

С годами Гермиона всё реже использовала магловский транспорт, поэтому успела забыть о разговорчивости водителей. Излишняя болтливость всегда раздражала. Особенно когда перед тобой увесистый фолиант, содержимое которого нужно обработать в ближайшие несколько часов. Так что сейчас «тактичность» Малфоя в высказываниях очень бы пригодилась.

Гермиона была уверена, что хватит пары предложений, чтобы остаток дороги прошёл в тишине.

— Мама вообще говорила, что я забуду английский, уехав сюда, — причитал водитель.

Снова кочка, и Малфой подскочил так высоко, что едва не ударился головой о крышу автомобиля. Гермиона неосознанно потёрла макушку, впервые радуясь не особо большому росту.

— Но тут американцев больше, чем коренных румынов, представляете? — радостно воскликнул водитель, смотря в глаза Малфоя через зеркало.

— Полагаю, чаще одного раза вы их не видели, — сквозь зубы произнёс Малфой и сжал палочку под пиджаком.

— А как вы догадались? — искренне негодовал водитель.

— Я очень проницателен, — притворно улыбнулся Малфой, посмотрев на Гермиону.

Она в ответ пожала плечами и достала карту местности, пытаясь примерно понять, где они проезжали. Разумеется, было можно уточнить информацию у водителя, но он молчал уже несколько секунд, и это стало на вес золота.

— Я вам свой номер оставляю, если соберётесь...

— Подскажите, где мы едем? — прервала его Гермиона, придвигаясь ближе к пассажирскому сиденью.

Водитель свёл брови к переносице, не останавливая движения, повернулся к ней и выхватил карту, выбрасывая её в открытое окно.

— Она вам не понадобится, своих я вожу коротким путём через поле, — довольный собой, махнул он рукой.

Гермиона разочарованно выдохнула и откинула голову на спинку сиденья, надеясь добраться как можно скорее. В сравнении с полугодовой работой в режиме без выходных и праздников, эта поездка казалась даже небольшим

отпуском. А перспективы скорого перевода в Отдел тайн и ухода из Аврората сулили львиную долю спокойствия.

Наконец-то Гермиона вырвется из состояния повышенной тревожности и погони за призрачной целью в привычное умиротворение. За прошедший год она соскучилась по нему настолько, что даже задание с Малфоем было роскошью, потому что находилось далеко. В Румынии нет ни Гарри, глядеть в глаза которому временами всё ещё было сложно, ни Аврората, ни вечного напоминания о неудавшемся деле.

Машина резко затормозила, и Гермиона осмотрелась, признав заправочную станцию. Водитель бросил дежурную фразу и сразу вышел, направляясь к диспетчеру. Сидевший рядом Малфой шумно выдохнул и прикрыл веки, откидываясь на спинку сиденья.

— Эта должность того не стоит, — выругался он.

— Ты так вчера и не сказал, что тебе пообещали, — Гермиона повернула голову, рассматривая Малфоевский профиль.

Со временем она научилась перенаправлять поток мыслей. Как только разум двинулся в неудобном направлении, важно было сместить фокус внимания: в сторону пекарни, у витрины которой задерживались люди; к работе, где на одну срочную задачу накладывалась ещё более важная; на из ниоткуда возникшую цель или Малфоя. Последним она пользовалась чаще, возможно, поэтому он её обычно раздражал.

Не из-за поведения или отношения, а потому что привлекал тревожащие мысли. И в побеге от собственного рассудка вся её боль летела в его сторону, а не на избегаемые воспоминания. Был ли Малфой так плох на самом деле? Вряд ли, если смог предложить перемирие первым.

Вчера она долго думала об этом, воспроизводя в сознании его улыбку, шутки и вспоминая вкус алкоголя, обжигающего горло. Гермиона почти не пила, поэтому предложение Малфоя хоть и было в новинку, но отказаться от него не получилось. Уровень стресса давно стал вне нормы, сложно противиться даже призрачной возможности расслабиться.

— Заместитель Поттера, — пожал плечами Малфой.

Его кадык заметно дёрнулся. Гермиона подняла взгляд выше, останавливаясь на глазах Малфоя. Цвет неба за стеклом был схож с радужкой, обрамляющей зрачок.

Внимание к деталям — очередной способ избавиться от навязчивых мыслей.

— А тебя чем купили? — спросил Малфой, рассматривая её.

Как вчера, в баре.

Гермиона сглотнула ком, подступивший в горлу, и поджала губы.

— Невыразимец, — ответила она.

Малфой свёл брови к переносице и выпрямился. Удивление в его глазах сменилось замешательством, а в последствии — неозвученным вопросом. Если бы водитель не появился в салоне с очередным рассказом о серых буднях в Трансильвании, вероятно, Гермione пришлось бы многое объяснить.

Остаток дороги Малфой сверлил её взглядом, уже забыв о вещающем фоном голосе. Гермione чувствовала его внимание кожей и, даже если бы закрыла глаза, не смогла бы скрыться. Поэтому ей оставалось лишь смотреть в окно в ожидании, пока деревья наконец сменятся домами, а вместо ухабистой тропы появится асфальт.

— Я вчера звонила и мне сказали, что всё в порядке, — недовольно выдохнула Грейнджер, прожигая магла взглядом.

— Понимаю, — равнодушно произнёс он, устало смотря в монитор перед собой. — Но была не моя смена, так что не знаю я о ваших договорённостях.

Грейнджер скрестила руки на груди, стиснула зубы и едва сдержалась, чтобы не бросить проклятье. Со стороны это выглядело даже забавно, Грейнджер становилась весьма милой, когда злилась. Но ровно до того момента, пока не откроет рот — за этим обычно следовал поток далеко не лестных комментариев.

— Вы будете брать этот номер или нет? — не обращая внимания на недовольство Грейнджер, спросил маггл.

Она смотрела на него ещё несколько секунд, а после выхватила ключ и кивнула. Он быстро протараторил про этаж и расположение номера, а следом помахал другому магглу, едва не лежавшему у двери за газетой. Достаточно полноватый мужчина, ростом чуть выше Флитвика, быстро прошёл к ним и, взяв чемоданы, направился к небольшой лестнице.

Спокойствие магла за стойкой раздражало Драко, да и ситуация едва отдавала приятным. У них с Грейнджер, конечно, перемирие, но не до общего номера на несколько дней.

Однако озвучить весь список не устраивающих факторов Драко не спешил. Ссориться с ней сейчас, а это, судя по лицу, было неизбежно, не лучшая идея. Он ещё не знал, как она отреагирует на его вопросы о переводе, поэтому прибавлять к этому возмущения было опрометчиво.

Грейнджер ровным шагом, вздёгнув подбородок и звучно покашливая при каждом замедлении, шла впереди. Пока Драко спокойно двигался за ней, выжидая момент, когда сможет узнать всё, что его интересовало, и остаться при этом в живых.

Новость о её переводе была неожиданной, отчего вопрос о причинах стал следующим. Он подозревал, что именно послужило ими, но понять, как это между собой связано, не мог. За всё время работы в Аврорате у Грейнджер была лишь одна ситуация, способная потрясти настолько, что она захотела бы уйти.

Но... прошёл год. И даже Драко при всём желании обвинять во всех грехах

Гриффиндор не приурочил её к той трагедии ни на минуту. Был ли виноватый в случившемся? Сначала он думал, что да, выставляя на плаху Кингсли, Поттера и всех, кто был причастен. Но этим утраченное уже не вернуть, а жить слепой ненавистью... *Она* учила не зацикливаться.

И если причина ухода Грейнджер в этом, то Драко должен это предотвратить. Не как напарник, аврор или будущий заместитель, а как человек, столкнувшийся с трупом на собственных руках.

Достаточно, чтобы научиться с этим жить.

— Ваш номер, — на ломаном английском сказал маггл и прошёл первым.

Оставив оба чемодана почти у входа, он зевнул и замер около двери, в ожидании перевода взгляд с Грейнджер на Драко. Поняв, что хлопка не было, Грейнджер обернулась и тяжело выдохнула, доставая из пальто несколько монет и протягивая ему.

Магл противно ухмыльнулся и ушёл прочь, оставляя их в комнате.

— Они издеваются.

Грейнджер покачала головой, смотря на большую двуспальную кровать в центре комнаты. Оглядевшись, Драко понял, что ни кресел, ни дивана здесь больше не было, разве что можно трансфигурировать стулья...

— Действуем так, — серьёзно сказала Грейнджер, повернувшись к Драко, — я работаю с книгой, а ты и твоё невероятное обаяние идёте расспрашивать людей внизу.

Брови Драко взмыли вверх, а вопрос о причинах ухода оказался на втором плане. Скрестив руки на груди, Драко непонимающе посмотрел на неё.

— Я уже с ними поскандалила, мне точно ничего не расскажут, — пояснила она. — Для налаживания контактов можешь назвать меня истеричкой.

Бросив это, она без промедлений схватила его чемодан и кивнула на замок в ожидании книги. Драко смотрел на неё несколько секунд, желая высказаться о нездоровом желании командовать, но сдержался. У него ещё будет время.

Взмахнув палочкой, он заставил чемодан открыться, а после выудил из него массивный пыльный фолиант, кладя его на стол. Грейнджер, вероятно совершенно забыв о наличии Драко рядом, тут же подошла к книге. С замиранием сердца Грейнджер открыла её и пробежалась глазами по пожелтевшим страницам.

— Не буду мешать вашей прелюдии, — бросил он, получив недовольный взгляд Грейнджер.

Двинувшись к выходу, Драко уже собирался уйти, но ухмыльнулся пришедшей мысли и прямо перед открытием двери сказал последнее:

— И да, Грейнджер... — Она подняла на него глаза, прищурившись. — Мне не нужно разрешение, чтобы назвать тебя истеричкой.

Как только он вышел, то послышался грохот, будто нечто тяжёлое прилетело в стену. В этот момент Драко довольно улыбнулся и с чувством выполненного долга последовал вниз. Ещё две мысли прочнее закрепились в его голове: временами Грейнджер и правда впадала в истерику и способность быстро закрывать двери ему ещё пригодится.

Если бы не сомнительная жажда приключений, Гермиона точно бы решила работать в библиотеке или секретном архиве. Много книг, тишина и никаких Малфоев с неудобными вопросами и кривыми шутками. Но сидеть длительное время на месте у неё не получалось, несмотря на любовь к литературе, изучению и впитыванию знаний. Любое долгое затишье равнялось усилению рвения, отчего монотонная работа становилась невозможной.

Поэтому Гермиона была аврором. Равноценное количество физической работы, анализа, построения стратегии, изучения информации и дедукции. Постоянно меняющаяся деятельность насыщала, не позволяла выгореть или захлебнуться в избытке одного и того же. Когда Гермиона приняла для себя, что ей нужно уйти, чтобы находиться подальше от Гарри и Аврората, она искала подобное.

И выбор был очевиден.

Невыразимец — должность, полная приключений и тайн. Она многогранна настолько же, насколько непонятна для большинства. Так Гермиона и избрала её для себя, поставив цель о переводе в Отдел тайн в кратчайшие сроки. С того момента каждый день становился сродни каторге, и, если быть до конца откровенной, вылазки с Малфоем были отдушиной.

Несмотря на то, что он играл не последнюю роль в трагедии, Малфой ни разу не упомянул об этом. Его глаза, отношение, поведение — ничего не изменилось, и это позволяло дышать. О Гарри сказать этого Гермиона не могла, он почти всегда молчал о произошедшем... но его взгляд выдавал всё.

Их совместное колдо на столе, которое Гарри закрывал, когда входила Гермиона. Старые письма, написанные витиеватым почерком, что он прятал в двойном дне второго ящика стола. Всё ещё не стёртая помада на бокале, теперь стоявшем в шкафу, а не вымытым и убранном.

Он скучал, скорбел и тосковал всё это время, раз за разом с ненавистью смотря на Гермиону.

Вероятно, он часто себя осаждал, трезвым умом вторя словам Малфоя «Здесь нет твоей вины, Гермиона». Но сердце и душа осознавали истину, которую припоминала себе Гермиона. И именно её знал Гарри. Пока она будет находиться перед его глазами — чувство вины не отпустит ни за что и никогда.

— Уборка номеров! — ленивый стук по двери и возглас заставили вздрогнуть.

— Не нужно, — крикнула в ответ Гермиона.

Тряхнув головой, она устремила взгляд в книгу, пробегаясь по блеклым

страницам в поисках артефакта. Каждый пятый разворот она чихала от пыли, а после десятого перенесла фолиант на подоконник, пытаясь рассмотреть в солнечном свете хотя бы часть сказанного. Информации оказалось много, и, будь у них достаточно времени, Гермиона бы поглотила её всю, но она сдерживалась, ища заветное изображение.

Множество чаш, амулетов, камней, кулонов с богатой историей и иногда ужасающими способностями, но нужного так и не было. В одну секунду Гермиона даже подумала, что Малфой давно всё нашёл и издевается над ней. Это было лучше, чем решить, что в книге не будет информации о том артефакте.

Уже потеряв надежду, она лениво пролистывала одну страницу за другой, пока не замерла. Изображён был не совсем тот предмет, что показывал им Кингсли, но до ужаса похожий. Большими буквами под рисунком было название «Сабмишн», а следом местонахождение:

Деревня Хойя, Трансильвания, Румыния.

Взгляд забежал по строкам, изучая всё от этимологии до свойств, пока внушительные способности не заставили страх бежать по спине. В горле пересохло, руки слегка задрожали, а от резкого звука мотора из открытого окна Гермиона вздрогнула.

«Повреждение рассудка».

«Галлюцинации».

«Потеря памяти».

«Паранойя».

«Изменение течения времени».

Все эти слова отголосками звучали в голове Гермионы, один за одним выдвигая аргументы, почему туда не нужно идти. Страх костлявой рукой сжимал горло, не позволяя дышать, а все остальные переживания по щелчку пальцев ушли на второй план. И утешительная пометка в конце, гласившая «*Не работает на обладателе*», не ободряла, потому что найти артефакт при этом списке ожидающих недугов было практически невозможно. Следовать в лес, который сведёт тебя с ума, в то время когда за его территорией могут идти года — не лучшая перспектива скорого будущего.

В надежде найти для себя успокоение Гермиона продолжила изучать книгу, пока не дошла до последней страницы раздела о Сабмишн. Там вырисовывалась некая «карта» Хойя, где точкой было отмечено нахождение артефакта.

«Сабмишн был зарыт одним из последних своих обладателей на могиле отца, где сейчас располагается племя деревни Хойя. Там его действие простирается чётко в границах поселения, не позволяя чужакам пройти в зачарованное место».

На странице не находилось леса и уж тем более отеля, поэтому ориентироваться было сложно. Но идея, пришедшая Гермионе, щелчком отозвалась в голове. Поджав губы, она подошла к столу и взяла ножницы,

аккуратно вырезая карту из книги.

Гермиона успеет положить её на место к моменту, когда они вернутся. *Если* это у них получится.

— А теперь нелюбимое, — выдохнула Гермиона. — Гомункуловы чары.

Петша Доскалу являлся не слишком пожилым маглом, больше шестидесяти, как и меньше пятидесяти ему не дашь. Здесь он прожил большую часть своей жизни, причём «здесь» в буквальном смысле этого слова. Отель или, как любил говорить сам Доскалу, Пансион когда-то был его домом.

Он долгое время здесь не жил, когда женился и уехал. Но после смерти отца, развода с женой и отъезда сына на другой континент Доскалу остался совсем один. Так и родилась идея пансиона, в котором сейчас мог остановиться каждый желающий.

И всё это Драко узнал за последние часы. И явно не такая информация требовалась им для поиска артефакта.

— Цены приемлемые, — загнул указательный палец Доскалу, — вид отличный, завтрак включён и всегда приветливый персонал!

В эту секунду Доскалу развернулся к администратору, который хмуро смотрел в газету, стоя за ресепшеном.

— Мирча, улыбнись! — недовольно шикнул Доскалу, отчего тот в мгновение расплылся в натянутой улыбке. — Говорю же! У нас замечательно!

И Доскалу не следовало знать, что Мирча вернул прежнее выражение лица сразу, когда тот отвернулся. Поэтому Драко продолжал приветливо кивать, бросаясь междометиями и делая вид, будто его ужасно интересуется всё то, о чём ему рассказывали. К сожалению, он не в той ситуации, когда ответ на нужный вопрос можно было затребовать сразу.

— А я ж даже не спросил, — словно прочитав его мысли, возмутился Доскалу. — Вы-то к нам в отпуск, Драко?

— Можно и так сказать.

Доскалу, вероятно ожидая более объёмного ответа, смотрел вперёд, лениво попивая кофе с тремя ложками самодельного алкоголя. Он предлагал и Драко, но тот даже не весь огневиски считал пригодным к принятию внутрь, что говорить о неизвестно где, как и из чего созданном напитке.

Глупо поехать на смертельное задание, чтобы погибнуть, до него не добравшись. Впрочем, Блейз бы оценил иронию.

— Моя... — он осёкся, не зная, как лучше представить Грейнджер. При условии заселения в один номер странно назвать её коллегой, с которой приехал в командировку. — Моя невеста, — бодро продолжил он, заметив хитрый взгляд Доскалу, — любит посещать известные места. Ваш лес её очень

заинтересовал.

— Я так и знал, что ты туда путь держишь! — воскликнул Доскалу. — Вы, американцы...

— Мы из Британии.

— Неважно, — махнул рукой Доскалу. — Вас постоянно тянет в эти странные леса, пещеры, озёра. Я в одной газете...

И дальше последовал очередной монолог о взглядах и предпочтениях. Драко уже был готов зарыться в книги. Тем более в компании Грейнджер, к которой у него до сих пор оставались вопросы, это было даже в радость. Потому что слушать многословие скудоумного Доскалу сил уже не оставалось, казалось, что прошло несколько дней, а не часов.

— А что вы вообще знаете об этом лесе? — не выдержав, прервал Доскалу Драко.

— Гиблое место, — пожал плечами Доскалу. — Мирча, ещё кофе!

Как только новую чашку напитка поставили на столик, предварительно добавив в него несколько капель алкоголя, Доскалу продолжил:

— То забредут туда, пропадут на неделю, а потом приходят и не помнят ничего, — добавил он. — Говорят, свет видят, голубо-зелёный, туман жёлтый, смех, шорохи, будто их зовёт кто-то.

Доскалу сделал несколько жадных глотков, опустошая чашку и с грохотом отставляя её обратно на столик.

— Ребёнком был ещё, забрёл туда, а потом вижу, мать меня обратно тащит. Да так сильно, грозно, а потом взяла и пропала, — развёл руками Доскалу. — Только матушка моя не помнит этого и весь день, говорит, была дома, пироги пекла.

Было заметно, как с каждым словом Доскалу бледнеет. Впервые за всё время беседы ему стало неудобно. Было дело в самой теме или количестве алкоголя, Драко не знал. Но даже эта информация уже не давала ему покоя. Как пройти в место, которое может сотворить с человеком такое, да и есть там кто вообще? А если да, то кто?

— И случай был, давно ещё, девчонка побежала за шариком туда и пропала, — сказал Доскалу. — Долго тогда её искали, не дни, не недели, не месяцы — годы. А потом, лет эдак через пять, вернулась с этим шаром.

Драко свёл брови к переносице, не понимая, как такое возможно, но следующая фраза повергла его ещё в большее удивление.

— И ни на день не состарилась, — заключил Доскалу. — Сказала, что только сбегала за шаром и обратно.

Драко внимательно слушал Доскалу, подозревая, что столь бурное воображение взялось из-за напитка.

— Знаю, что думаешь, — махнул рукой Доскалу. — Напился, бред говорю, но можешь Мирчу спросить! Он тоже был тут, помогал искать её даже. Мирча!

Дождаясь упомянутого, Драко бросил взгляд в окно, за которым уже стемнело, и осознал, что в фойе практического никого не было. Лишь они втроём.

— Скажи ему, что история про девчонку с шаром правда! — потребовал Доскалу.

— Да, правда, — устало сказал Мирча и подхватил Доскалу за руку. — И вам уже пора спать.

Доскалу начал возмущаться, но уже через пару минут послушно согласился и, попрощавшись с Драко, медленно направился в свою комнату. Драко ещё некоторое время сидел на том же месте, внимательно всматриваясь в горизонт, на которой виднелись верхушки деревьев. Он понятия не имел, что могла отыскать Грейнджер, но чувствовал, что в совокупности их информация будет ужасной.

Малфой всматривался в книгу ещё несколько минут, пытаясь принять и осознать прочитанное. По его глазам Гермиона видела, что их удивление и ужас вполне взаимны. Поэтому, когда вернулась из ванной, не удивилась, что он всё ещё сидел за столом и перечитывал материалы об артефакте, который предстояло найти.

— Здесь была ещё страница? — настороженно спросил Малфой, подняв на неё взгляд.

На мгновение он замер, с ног до головы осматривая её, одетую в серый халат пансионата, доходивший чуть выше колен. Гермиона почувствовала лёгкий дискомфорт от этого внимания и подошла к одной из полок, доставая оттуда карту. Опустив её перед Малфоем, она упёрлась ладонью в крышку стола и пригнулась, пальцем указывая расположение артефакта.

— Я наложила Гомункуловы чары. Граница местности должна остаться той же, где и была деревня, — пояснила Гермиона. — Как только мы войдём, наши имена появятся на карте, и мы сможем добраться.

— Умно, — бросил Малфой, отвлекаясь от лицемерия Гермионы. — Если войти здесь и идти прямо, то не должны заблудиться.

— Я тоже об этом подумала, — кивнула она и направилась к постели.

Опустившись на неё, Гермиона коснулась палочкой волос, высушив их и расчесав. Подняв одеяло, она быстро забралась под него, оставив вторую половину кровати неразобранной. Ощувив на себе взгляд, она приподнялась на локтях и посмотрела на удивлённого Малфоя, всё ещё сидевшего за столом.

— Прибережём силы на завтра, — пояснила она. — Или брезгуешь ложиться в постель со мной?

Она выгнула бровь, внимательно смотря в серые глаза. Это была провокация, основанная на уровне доверия к Малфоя. Гермиона понимала, что поход в этот лес будет не только испытанием для сознания, но и для души. Все стены доверия падут, границы тайн будут стёрты, и, вероятнее всего, на некоторое время Малфой станет самым близким ей человеком.

Ей нужно было проверить почву перед тем, как пойти с ним туда.

— Ты же не Уизли, чтобы брезговать, — хмыкнул Малфой. — Но девушки редко зовут в кровать мужчин, которые ненавидят.

— Я тебя не ненавижу, — недовольно произнесла Грейнджер. — А ещё знаю, что я не в твоём вкусе. Потушишь свет и ложись.

С этими словами она опустилась обратно на подушку и отвернулась к окну, наблюдая за отражением Малфоя в стекле. Он ещё некоторое время сидел за столом, перечитывая материалы, а после скрылся за дверью ванны.

Гермиона тяжело выдохнула, она слишком давно не находилась в спальне с кем-то посторонним.

Жила она одна, а командировки и различные вылазки подразумевали отдельные места для сна или его отсутствие вообще. Поэтому лежать в постели с пониманием, что к тебе присоединятся, даже отбросив интимные мысли, было слегка будоражающе. А если речь шла о Малфое, то намного волнительнее.

Гермиона едва не обнажила перед ним сегодня душу, почти подведя к двери и закрыв её перед самым носом. И отсутствие вопросов сейчас, чтобы добиться от неё ответов, было обусловлено исключительно усталостью и предстоящими событиями. Едва ли он продолжит молчать дольше одного дня — она заметила интерес в его глазах. Слишком явный.

Дверь открылась, и Гермиона замерла, продолжая наблюдать за ним в отражении. Халата на нём не было, только длинные серые штаны, отчего она засмотрелась на обнажённый верх. Она впервые видела Малфоя полураздетого и не могла солгать, что не представляла, что крылось под рубашками и мантиями.

И её мысли были полностью оправданы. Бледная кожа, заметные шрамы, широкая грудь — всего этого хотелось касаться. Гермиона мотнула головой, чтобы избавиться от подобных мыслей. Малфой в отражении замер, смотря на неё.

Опять ошибка.

— Грейнджер, порядок? — спросил он, нахмурившись.

— Да, всё нормально, — буркнула она в ответ.

— Может быть...

— Малфой, — раздражённо выдохнула она, вновь приподнимаясь на локтях.

Гермиона посмотрела ему в глаза, тяжело дыша. Он озадаченно оглядывал её, вероятно не понимая, что с ней. Впрочем, для Гермионы и самой это было тайной. Собственное поведение вызвало вопросов больше, чем обычно.

— Просто нервничаю перед завтрашним днём, вот и всё, — пояснила она. — Давай попытаемся заснуть.

Он несколько секунд смотрел на неё, будто бы не веря в услышанное, но всё-таки кивнул, выключив свет и пройдя к постели. Кровать примялась внушительнее, чем от её веса, и он лёг на бок, лицом к Гермионе.

Она отвернулась и закрыла глаза, попытавшись уснуть. Но ощущение, что он смотрит ей в спину, всё ещё не отпускало, отчего уже через пару минут она перекадилась. Малфой, казалось, даже не пошевелился.

— Что ты смог узнать?

— Для человека, желавшего заснуть, ты задаешь слишком много вопросов, — покачал головой он.

— Я нервничаю, — выдохнула она. — Таких заданий у нас ещё не было. Даже когда они оказывались смертельны, мы знали всё, а сейчас...

Она замолчала, прикрывая веки и тяжело выдыхая.

— Мы опираемся на околodостоверные факты и совершенно не знаем, чего ждать. Это очень мешает...

Малфой несколько секунд смотрел на неё. Гермионе казалось, словно сейчас он скажет нечто в стиле *Малфоя*. Насмешливое, неприятное и бьющее в больную точку. Надеяться на перемирие было глупостью, рассказывать о наболевшем — тем более.

— Могу помочь, — произнёс он. — Но пообещай не кричать.

Гермиона свела брови к переносице, внутренний голос кричал отказаться и лечь спать, даже если это будет сложно. Но она всё же кивнула, неуверенно и с некой опаской. Если у него хорошие мысли, то...

— Повернись, — сказал он, приподнявшись.

Гермиона вновь увидела перед собой окно. А в следующую секунду почувствовала, как по талии скользнула тяжёлая рука и ладонь легла на её живот, прижимая к широкой груди, на которую Гермиона засматривалась несколько минут назад. Макушка упёрлась в подбородок Малфоя, а жар от его тела грел и успокаивал. Словно мысли блекли, становясь незаметными.

— Лучше? — спросил Малфой тише.

— Да, — шепнула Гермиона, закусив губу.

Дрожь постепенно уходила, и сон начал окутывать её, подобно Малфоя в постели. Это было давно забытое, но жутко приятное ощущение.

Спокойствие и защищённость.

Примечание к части

А вот новая глава и оправданная метка фастберна) Что думаете? Какие мысли на счёт леса? А может таксиста? Мне иногда такие персонажи попадаются, ахаха)

Жду ваши впечатления и в гости в своём тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 3 «Мои демоны».

Драко внимательно смотрел на лес, не улавливая в нём ничего страшного, зловещего или пугающего. Вопросы вызывали лишь странные стволы деревьев, которые, подобно письму, созданному дрожащей рукой, имели непривычную форму. Первые несколько сантиметров вверх они росли ровно, а после их изгибы резко уходили в другую сторону.

Листья озадачивали разнообразием цветов: от светло-жёлтых, почти белых или даже прозрачных до насыщенно-зелёных. Хоть на улице и стояла весна.

Опустив взгляд на карту, он сжал губы и повернулся к Грейнджер, что пыталась найти в бездонной сумке копию вырезки из книги. Но спустя несколько минут окончательно убедилась, что та осталась в отеле. Хмыкнув, Грейнджер ту же затащила хвост и кивнула Драко вперёд, двинувшись в лес.

— Грейнджер, — сказал Драко, заставив её обернуться, — если увидишь нечто, чего здесь быть не может, — кричи.

Поджав губы, она продолжила путь. С момента их пробуждения она выглядела странно. *Больше обычного.* Как правило, заставить Грейнджер молчать было практически невозможно, а сегодня вытянуть из неё хотя бы слово становилось за гранью доступного. Возможно, так она смущалась, выстраивая каменную стену в общении.

Видит Мерлин, если бы Драко знал, что провести с ней ночь в одной постели достаточно, чтобы она проглотила язык, он бы сделал это раньше. Такой расклад был гораздо проще, хоть и менее интересный. Впрочем, Драко был готов пожертвовать динамикой их общения, чтобы ещё раз проснуться как сегодня.

Когда он открыл глаза, то Грейнджер едва не лежала на его груди. Её волосы щекотали линию челюсти, нос утыкался в шею, а пальцы слегка сжимали его плечо. Она обнимала его, посапывая и иногда прижимаясь, словно пыталась согреться. Лет десять назад от этой мысли он бросил бы Аваду в говорившего о таком, но сегодня ощущал некое удовлетворение.

Не то, что приходило после секса, поцелуев или другой близости — оно крылось в груди, наполняя всё тело теплом и уничтожая желание встать. Тогда происходящее бы закончилось, а этого не хотелось. Почему? Он ещё плохо понимал сам, но отлично осознавал, что ему это нравилось. Будто он победил свирепого льва и теперь стал небольшим котёнком, нуждающимся в нём.

Улыбка неосознанно проступила на его лице.

— Мы там появились? — вдруг спросила Грейнджер, замирая.

Драко мгновенно надел маску спокойствия и достал карту, просматривая её края в поисках их с Грейнджер имён.

— Да, в самом начале, — кивнул он.

Грейнджер подошла к нему и встала рядом, почти касаясь грудью его локтя.

Взглянув на лист, она поджала губы и посмотрела вперёд.

— Главное — не сворачивать, — пробормотала она. — *С дороги из жёлтого кирпича...*

— Что? — нахмурившись, спросил Драко.

— Магловская сказка, — пожалала плечами Грейнджер.

Быстрыми шагами она направилась вперёд, отчего Драко не сразу её нагнал, чтобы разговорить. Казалось, будто Грейнджер быстро осознала, что сказала лишнего, отчего уже пыталась сбежать. Возможно, и её перевод из Аврората это своего рода...

— У тебя много времени, чтобы поделиться, — выдохнул Драко, равняясь с ней.

— Тебя правда интересуют магловские сказки? — усмехнулась Грейнджер, улыбаясь.

Впервые за сегодняшний день.

— За месяцы работы с тобой я привык к фоновому шуму, — пожал плечами Драко. — Без него непривычно.

— Я говорила, что ты меня раздражаешь? — прищурилась она, переступая через дерево и теряя равновесие.

Драко резко приблизился и схватил её за талию, прижимая к себе и не позволяя упасть. Грейнджер от неожиданности вздрогнула и оглянулась.

— Чаще, чем доброе утро, — улыбнулся Драко, отпустив её.

— Я избрала для себя другую роль в твоей жизни, — засмеялась Грейнджер, оглядываясь и идя спиной вперёд.

Он внимательно смотрел на неё, игнорируя чёткое ощущение, что за ними следят, и едва слышные голоса в округе. Глаза Грейнджер, начавшие гореть тем же огнём, что и обычно, завораживали, подобно Империиусу.

Невозможно отвернуться.

— Большинство девушек флиртуют, желают тебе доброго утра томными голосами, — она загибала пальцы.

— А ты оскорбляешь, — развёл руками он.

— Зато меня невозможно забыть, — рассмеялась она, повернувшись к нему спиной.

Ощущение чужого присутствия тяжелело на плечах, отчего игнорировать его становилось почти невозможным. Драко стал идти медленнее, озираясь по сторонам в поисках неизвестного.

— Так это изощрённый способ флирта? — крикнул он ей, продолжая бродить взглядом по окрестностям.

Но когда Драко вновь повернулся вперёд, Грейнджер замерла на месте, смотря перед собой. Казалось, будто её ноги вросли в землю и она не могла двинуться. Быстрее нагнав её, он хотел высказать нечто настолько двусмысленное, чтобы ответа у неё не нашлось, но Грейнджер даже не пошевелилась.

Когда Драко обошёл её, то заметил, что она стеклянными глазами, в которых наворачивались слёзы, продолжала глядеть перед собой. Слово увидела не призрака или чудовище, а нечто настолько тревожащее, что...

— Явился, — хриплый голос позади заставил и Драко повернуться.

В горле пересохло, тело бросило в жар, колени задрожали, а пальцы крепче сжали палочку. В огрубевшую землю меж листьев впивался наконечник чёрной трости. Драко медленно вёл взгляд от него вверх, замечая голову змеи, отделанную алмазами и изумрудами, и мужскую руку с фамильным кольцом.

Люциус стоял перед ним в окружении странных деревьев и смотрел в упор. Будто на дворе вновь девятый год и Драко разочаровал его в очередной раз за день. Столько злости, презрения и ненависти было в глазах, что Драко поймал себя на мысли, что не помнил, как способны уничтожать безмолвно.

— Ни капли не изменился, — с отвращением фыркнул Люциус, вышагивая вокруг Драко.

Грейнджер, поиск артефакта и всё происходящее в мгновение стёрлись, оставляя их с Люциусом наедине. Сердце нещадно колотилось, колени холодели, и Драко уже не ощущал себя опытным аврором с изумительной подготовкой. Он вновь становился маленьким мальчиком, который разочаровал отца.

— Такой же самовлюблённый, — сквозь зубы процедил Люциус. — Наивный, слабый. — Слово Круциатус забежал по венам, и Драко был готов кричать. — И ничего из себя не представляющий мальчишка, позорящий фамилию.

— Говорит давно мёртвый и всеми забытый маг, — хмыкнул Драко, пытаюсь держаться, хоть это и давалось сложно.

Брови Люциуса на секунду взмыли вверх, и он громко рассмеялся, поднимая трость и толкая Драко её наконечником в бок. Резкая боль, и Драко отшагнул, хватаясь за место удара и из-под лба смотря на отца.

— Пытаешься победить моим же оружием, — фыркнул Люциус. — Из тебя даже подражатель посредственный. Поэтому мишуру надел?

С этими словами Люциус тростью коснулся вышитой буквы «М» на мантии. Оскал Люциуса напоминал детство, возвращая Драко раз за разом именно туда. Во времена, когда он не мог защититься, дать отпор или спасти себя. Он слишком верил в правоту отца, чтобы пойти против.

— Я аврор, и ты это знаешь, — напомнил Драко, выставляя палочку.

— О да, — отметил Люциус, замирая. — Это было унижение похуже любого поражения.

— Конечно, — ухмыльнулся Драко. — Лучше быть реддловской подстилкой с верой, что однажды тебе разрешат почистить его мантию.

Изощрённая улыбка с лица Люциуса исчезла, и он в мгновение вытащил палочку из трости и приблизился к Драко, приставляя древко к его горлу.

— Лучше предать наши идеалы, Драко? — зарычал Люциус. — Круцио!

Драко не успел произнести проклятие, когда рухнул в траву, согнувшись от боли, пронзающей всё тело. В агонии, пока перед глазами плясали пятна, в свете серого неба он видел склонившего над ним Люциуса, говорившего заклинание снова и снова.

— Ты был слабаком! Ничтожеством! Трусом! И я прощал тебе это, — крик Люциуса бил по ушам, оседая в разуме.

На контрасте с острой болью его голос истязал ещё сильнее. Драко пытался воспротивиться, подняться и дать отпор, но ноги его словно не слушались, а палочка исчезла. Оставались только слова Люциуса и страдания, раз за разом повторяющиеся и пробуждающие старое, давно им забытое желание смерти.

Чтобы всё это закончилось.

— Но ты не был предателем крови, не был! — продолжал Люциус. — А теперь даже жизни ты не достоин!

На секунду, ничтожно малую и в контексте происходящего незначительную, Драко ощутил злость, обуревавшую его душу. Настолько, что сквозь боль и страдания он поднялся на ноги и накинулся на Люциуса, выбивая из рук палочку и ломая её.

— Ничтожество, слышишь? Ты позор, Драко, и всегда им будешь! И ни одна должность этого не изменит, — цедил Люциус.

Обе ладони Драко сомкнулись на горле Люциуса, надеясь заставить его молчать. Постепенно, с каждой секундой сильнее он сдавливал её, желая услышать хруст, чтобы наконец-то это закончить. Забыть об отце, будто его никогда не существовало...

— Это галлюцинация, — прошептала Гермиона, смотря перед собой.

— Может быть, и моя смерть была галлюцинацией? — хмыкнула Паркинсон, плечом упираясь в дерево. — Ты так себя оправдываешь?

То, от чего Гермиона бежала так быстро, что почти добралась до Отдела тайн. Причина, почему в каждом взгляде Гарри она чувствовала боль и ненависть к себе. Точка отсчёта, после которой она решила уйти из Аврората. Вечная ночь, нависшая над её жизнью, не дающая покоя или успокоения.

Провоцирующая терзания, обвинения и понимание, что невозможно спасти всех. Особенно тех, кто дорог твоим близким.

Пэнси Паркинсон умерла на руках Гермионы год назад. Это не было спланированное убийство, покушение, ограбление или попытка сломать Гарри. Если бы хотя один пункт из этого списка был реальным, то бессонных ночей в жизни Гермионы стало бы гораздо меньше. Но всё произошло абсолютно случайно. Паркинсон оказалась в ненужном месте в ненужное время — и рядом с ней была только Гермиона, не успевшая помочь.

— Скажи, Грейнджер, — Паркинсон оттолкнулась от дерева и медленно прошла вперёд, зелёными глазами едва не прожигая Гермиону, — тебе стало легче после моей смерти?

— Я ничего не могла сделать, — твердила себе Гермиона.

Эти слова повторялись в её голове почти каждый день на протяжении года. Она просыпалась от кошмаров, говоря себе это, она закрывала глаза и видела пустой взгляд Паркинсон. Безжизненный. Отрешённый. Мёртвый.

— Иронично, что твоя всем помогающая натура, — Паркинсон встала вплотную к Гермионе, говоря прямо в лицо, — сломалась на мне.

Мысли, вторящие её разуму слово в слово, голос, звучащий в голове сотни раз, теперь был наяву, и те же бледные губы, которыми она попросила передать последнее:

— Скажи Гарри, что я...

Пародируя своё прошлое, Паркинсон рассмеялась, отшагнув от Гермионы и начиная кружить вокруг неё, подобно коршуну.

— Ты передала? — шёпот над ухом, издевательский.

Она знает, что нет.

— Не смогла, верно? — огрызнулась Паркинсон, вновь вставая перед Гермионой. — Спасти меня не получилось, исполнить мою волю тоже. В койку к Гарри не запрыгнула?

Паркинсон резко толкнула Гермиону в плечи, но та удержалась на ногах, чувствуя, как вина обхватывает горло, подобно удавке. Словно всего, что было, стало недостаточно, а сознание и мир вокруг решили над ней поиздеваться.

— Я не...

— Что, Грейнджер? Что «ты не»? — злилась Паркинсон. — Не захотела? Пародия на ведьму...

— Пэнси, прекрати! — взмолилась Гермиона, чувствуя, как слёзы текут по щекам. — Я не желала тебе смерти! И для меня это было так же больно, как и для остальных.

Казалось, ещё немного и Гермиона попросит убить себя сама. Эти страдания

выбивали из неё жизнь слишком долго, чтобы сейчас вышло их стерпеть. Собственный разум играл против неё, радовавшая магия стала врагом, а те люди, которых она любит, превратились в олицетворение ужаса.

— Тебе нравится смотреть, как ломает Гарри, скажи? — склонив голову набок, спросила Паркинсон. — Вспомни, как он пытался ко мне подступиться, сколько репетировал приглашение на свидание.

— Он любил тебя...

— Он любит меня! — закричала Пэнси. — А ты у него это забрала. Ты, Грейнджер, хуже Лорда, Лестрейндж и всех Пожирателей вместе взятых!

— Нет! — крик должен был заглушить Паркинсон.

Гермиону трясло от боли, вызванной эмоциями. Она пыталась выстроить стену между собой и муками совести, пока перед глазами мелькали картины прошлого: *Паркинсон умирает на её руках, врывается Гарри в надежде её спасти и падает на колени; он вырывает Паркинсон у Гермионы, сжимая бездыханное тело в своих объятиях, желая её вернуть.*

Паркинсон, спасшая его от горя утраты, сама стала её причиной.

— Я пыталась тебе помочь, но иногда даже самый сильный аврор терпит крах, — прошептала Гермиона слова Драко, сказанные через несколько недель после смерти Паркинсон.

Подняв веки, она увидела всё те же зелёные глаза, с ненавистью смотрящие на неё. Паркинсон ринулась, чтобы накинуться на Гермиону, но та, ухватившись за одну из веток, прижалась к противоположному дереву, ощутив резкую боль в лодыжке.

Опустив голову, Гермиона заметила небольшую царапину от обломка коры. Одёрнув штанину, она осмотрелась в поисках Паркинсон, но той уже не было. Гермиона хотела спросить себя, куда та делать, но сразу осознала, что её никогда здесь и не было.

Лес мучил её, зарываясь в самые сокровенные места разума и истязая болезненными воспоминаниями. словно мозг сам подсказывал, как сделать больнее.

— А где Малфой? — спросила она у себя и стала оглядываться по сторонам.

И она заметила его. Он лежал на земле, морщась то ли от боли, то ли от магии артефакта, проклинающего лес. Что он видел, Гермиона не знала, но тут же побежала к нему, чтобы помочь, привести в чувства и напомнить, что это нереально.

Ветки били в лицо, иногда царапая кожу, а корни, спрятанные под листьями, несколько раз едва не заставили её упасть. Но она быстро добралась до Малфоя, сотрясающегося от боли, словно от Круциатуса. Он кричал, быстро, неразборчиво, и она не могла понять, что он имел в виду.

Гермиона попыталась коснуться Малфоя, но он лишь отталкивал её. Иных

идей не было, поэтому она схватила его за мантию, заставляя посмотреть на себя. И он это сделал. Но лучше от этого не стало.

Взгляд, которым её наградил Малфой, пугал. Словно затравленный зверь, которого пытали и мучили много лет, вдруг увидел обидчика. Глаза цвета неба наливались свинцом, разум кричал бежать как можно быстрее, но сердце требовало остаться. Она не могла бросить его здесь.

Скорее она забудет про этот артефакт и, пока не поздно, вытащит Малфоя отсюда, чем попытается его покинуть. Она не спасла Паркинсон от смерти, но она может помочь Малфоем справиться со своими демонами или разбудить от них.

Гермиона взяла лицо Малфоя в ладони, смотря в глаза и пытаясь выискать там хотя бы грамм того тепла, с которым он обнимал её ночью, согревая и успокаивая. Но там была лишь ледяная стена галлюцинации.

— Малфой, это нереально, — сказала она. — Ничего нет на самом деле.

— Ненавижу, — прорычал он и резко оттолкнул её от себя.

Гермиона мгновенно поднялась, попытавшись вновь подойти к нему, чтобы вразумить. Но Малфой тут же прижал её к одному из деревьев, а его ладони легли на её шею, сжимая. Глаза, полные злости, ненависти и боли, смотрели на Гермиону. Её пробирал животных страх, а колыхавшаяся надежда гасла.

Она пыталась шептать, просить, но он не слышал, лишь сильнее стискивая её кожу, словно ожидая щелчка, когда она простится с жизнью. В глазах начинало темнеть, разум ускользал, и она приняла единственное решение, которое могло её спасти.

Гермиону вразумила боль.

Коленом она с силой ударила его в живот, отталкивая от себя. Малфой отшатнулся и согнулся пополам от реальной боли, а не вызванной галлюциногенной атмосферой леса. Гермиона резко закашляла, держась за шею, и на дрожащих ногах подошла к Малфоем. От одного касания он рухнул, и она села сверху, удерживая его запястья прижатыми к земле.

Его глаза всё были закрыты, она не могла понять, в сознании Малфой или нет. Поэтому всем телом опёрлась на руки, надеясь его замедлить. Она слышала стук собственного сердца, как кровь бежит по венам и жадно глотала воздух в попытке отдышаться.

Надежда умирала последней.

Ресницы Малфоя затрепетали, и он открыл глаза. Казалось, что он и сам не сразу сориентировался. Только спустя несколько секунд дёрнул запястья и посмотрел на сидевшую на нём Гермиону. И лишь тогда она отпустила его, проводя руками по лицу в попытке привести себя в чувства.

— Грейнджер, если хотела на мне посидеть, можно просто попросить, — закашлял он, опуская ладонь на живот вблизи её бедра.

— Ещё слово, и я ударю тебя, — отдышавшись, сказала она.

— Ещё и садомазохизмом увлекается, — обречённо заключил он, отводя взгляд к темнеющему над ними небу.

Неизвестно, как именно текло время в этом лесу. Гермионе казалось, что они зашли сюда относительно недавно, но на горизонт уже опустилась ночь. Поначалу они думали следовать дальше, обнаружив, что треть пути уже прошли. Но произошедшее диктовало остаться и переждать. Сражаться с предстоящей опасностью при свете дня само по себе было опасно. А в полной темноте ещё более опрометчиво.

— Что ты делаешь? — спросил Малфой, заканчивая с палаткой.

— Защитные и Заглушающие чары, — сказала Гермиона. — Если здесь кто-то есть, нас не увидят и не услышат.

Подойдя к ней со спины, Малфой осмотрелся по сторонам.

Ночью лес выглядел ещё более зловещим, и уйти отсюда хотелось сию же секунду. Но Гермиона убеждала себя, что это лишь шок от произошедшего, она бывала и в худших и более ужасающих условиях. Из них смогли выбраться — и здесь получится. Она в это верила.

— Стоит остерегаться нас самих, — выдохнул Малфой.

Пригнувшись, он потянулся к Гермионе, убирая волосы с плеч и смотря на небольшие синяки, оставленные его пальцами. Сожаление плескалось в серых глазах, отдающих теплом. Гермиона слегка поёжилась, когда его холодные руки едва коснулись кожи.

— Позволишь помочь? — спросил он.

— У меня всё с собой, — кивнула она, доставая из сумки небольшой тюбик.

Они присели около разведённого костра, Гермиона вновь собрала волосы наверх, открывая шею и наблюдая за монотонными действиями Малфоя. Внимательно всматриваясь в зреющие синяки, он сжал губы и стал аккуратно, едва касаясь, чтобы не сделать больнее, наносить мазь. Всё это время его короткие взгляды бродили к её лицу и обратно, словно он убеждался, что всё в порядке.

— Что ты видел? — спросила Гермиона.

Рука Малфоя замерла, словно на пару мгновений он оцепенел.

— Отца, — стараясь быть равнодушным, ответил Малфой.

Гермиона рвано выдохнула, боль постепенно стала уходить, и через время синяки вовсе исчезли. Она благодарно кивнула Малфоя и расправила волосы, чувствуя лёгкий холод и посматривая на палатку. Сегодняшний день забрал все силы, которые она копила, и сейчас, вопреки всем событиям, Гермионе хотелось

заснуть.

— Там две кровати, — заметив её взгляд, сказал Малфой.

По логике, после вчерашнего происшествия её это должно было радовать, но Гермиона испытала лёгкое разочарование. Этой ночью, впервые за долгое время, она спала спокойно, не просыпалась и чувствовала умиротворение.

Гермиона видела причину в Малфое и надеялась, что сегодня окажется в его объятиях, они успокаивали её мысли.

— Это опрометчиво, — вдруг сказала она, лениво смотря на огонь. — Мы уже решили разделиться, и чем это закончилось.

— Так и скажи, что понравилось спать со мной, — спокойно бросил Малфой.

— Ты везде видишь эротический подтекст? — развела руками она, корпусом повернувшись к нему.

Малфой выгнул бровь, внимательно смотря на неё, а после лукаво улыбнулся, пригнувшись ближе к Гермионе.

— Заметь, я имел в виду просто спать в одной кровати, — тише сказал он, бегая взглядом от её губ до глаз.

Дрожь прошла по спине, а жар поселился в груди. На мгновение она оцепенела от сказанного. Но несколько секунд спустя поднялась и, последний раз посмотрев на улыбающегося Малфоя, направилась в палатку.

Зайдя внутрь, она усмехнулась — угадать постель Малфоя по тёмно-зелёному пледу было совсем не сложно. Когда на её кровати виднелся ярко-красный оттенок, словно они опять в Хогвартсе, где разделение по цветам.

Когда Малфой пришёл в палатку, проверив чары и потушив костёр, она уже была в постели, делая вид, будто спит. Возможно, ей показалось, но он будто усмехнулся и только спустя несколько минут лёг рядом. Тёплое дыхание пробежалось по шее, пуская дрожь по коже, а сильные руки обняли, прижимая к себе.

Спокойствие блаженным мёдом разлилось по телу, успокаивая и едва не убаюкивая. Но мысль, возникшая, когда Гермиона узнала, кого видел Малфой, не давала ей покоя. И она, надеясь, что он ещё не спит, сказала:

— Ты хороший человек, Малфой, — прошептала она. — И что бы ни думал твой отец, ты делаешь всё правильно.

— Спасибо, Грейнджер. — Она слышала улыбку в его голосе, и от этого ей самой стало спокойнее.

Она знала, что Люциус давно в могиле, но что он продолжал оказывать такое влияние на сына — не догадывалась. Мёртвые демоны преследовали их даже после гибели, а некоторые были её непосредственной частью.

— Ты видела Пэнси, да? — спросил Малфой.

В эту секунду Гермиона дёрнулась от неожиданности, а он только крепче обнял её, словно давая понять, что всё в порядке.

— Я так и знал, — выдохнул Малфой, обдавая её шею тёплым дыханием. — И уходишь ты, чтобы меньше общаться с Поттером?

— Ты используешь легилименцию? — не выдержала она, повернувшись к Малфою лицом к лицу.

— Нет, просто ты отвратительно скрываешься, — спокойно ответил Малфой.

Вблизи он отдавал ещё большим теплом, согревая не только душу, но и тело. Рука Малфоя теперь лежала на её спине, а грудь Гермионы прижималась к его. Она чувствовала, как он дышит.

— Иногда даже самый сильный аврор...

— Терпит крах, — продолжила она, видя его лёгкую улыбку. — Я помню твои слова.

— Пора тебе их принять, Грейнджер, — его рука скользнула вверх, и большой палец постучал по лбу.

Она улыбнулась и опустила голову ниже, кладя её на его грудь. Малфой крепче обнял её, прижав к себе, и уже через несколько минут она провалилась в сон. Тот, который теперь нравился ей больше всего, и не потому, что она была рядом с Малфоем. Хотя, может быть, сердце реагировало так именно на него.

Постоянно колотящееся, оно приходило в мир и покой, когда Малфой оказывался рядом с ней. И эта кровать, где они вдвоём, медленно становилась символом долгожданного спокойствия, по которому она скучала.

Примечание к части

Мне нравится, как лес позволяет нам увидеть их ближе, выворачивая душу наизнанку, да и фастбёрн это хорошо оправдывает. А вы что скажите? Как глава?

Больше меня в моём тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 4 «Поцелуй с привкусом жизни».

Впервые за долгие месяцы ночь для Гермионы перестала быть временем душевных терзаний и кошмаром. Не хотелось бежать из кровати, чтобы загрузить себя работой, задачами, планами и их реализацией. Только бы направить сознание дальше от самобичевания, чувства вины и картины мёртвой Паркинсон на руках.

А вчера и сегодня ей даже показалось, что она выпалась. Не в тёплой и родной постели у себя дома, где её окружали знакомые стены. А на секретном и опасном задании, сначала в сомнительном отеле, а следом — посреди леса, готового её уничтожить. И всё это в объятиях Малфоя. Она бы ни за что не поверила, что лишь в подобных обстоятельствах вновь почувствует бодрость.

Открыв глаза, Гермиона быстро заморгала, смотря на спящего Малфоя. Одна его рука лежала под её шеей, а вторая опоясывала талию. Его грудь равномерно вздымалась, касаясь её, а безмятежное лицо успокаивало, будто именно здесь и сейчас не способно произойти ничего плохого. Было дело в Малфое, в присутствии другого человека или на неё так влияла обстановка, Гермиона не знала. Но ей хотелось остаться в этом состоянии.

Мгновение, и Гермиона услышала смех. Знакомый, снящийся в кошмарах в первые годы после войны, заставляющий содрогаться и впадать в ужас. Резко поднявшись с кровати, Гермиона опустила руку на тумбу в поисках палочки, но той не оказалось. Сглотнув ком, подступивший к горлу, она встала, выпрямилась и шагнула вперёд, вытягивая шею.

— Грейнджер, — тихий голос позади заставил её подскочить на месте и оглянуться.

Малфой, скрестив руки на груди, выгнул бровь и посмотрел на неё с долей осуждения.

— Хоть бы ради приличия разбудила, — шикнул он, проходя вперёд. — Или не терпится умереть?

Открыв рот в удивлении, она хотела высказаться, но тут же резко замолчала, прищурившись. Смех становился ближе, и, судя по лицу, Малфой его узнал. Это было несложно, в магической Британии не найдётся звука более омерзительного и пугающего, чем этот.

Малфой медленно вышел из палатки и замер, смотря перед собой. Его кулаки рефлекторно сжались, костяшки побелели, а кадык дёрнулся. Он видел то, что, по мнению большинства, уже было мертво. И Гермиона могла принять это за иллюзию, издевательство сознания, которое по круплицам сыпалось из-за артефакта, но они оба слышали и лицезрели одно и то же. Поэтому это было не воздействием леса.

Набравшись духу, Гермиона вышла и встала перед Малфоем, смотря в глаза Лестрейндж. Всё такие же безумные, тёмные и пугающие, как в воспоминаниях. Улыбка изощрённая, кожа бледная, волосы подобны листве ивы с одним исключением — Лестрейндж убивала. В руках с длинными и острыми ногтями чёрного цвета красовались их палочки. Одна из *последних* оборон защиты.

— Какая встреча, — ухмыльнулась Лестрейндж, склонив голову набок.

Гермиона уже намеревалась шагнуть к ней навстречу, но Малфой заслонил её собой, схватив за запястье и не позволив этого сделать. Сердце пропустило удар, отдавший по рёбрам приятной истомой, словно вибрация души, кружащая голову настолько, что притупляла ужас и страх, играющие перед глазами.

— Тебя здесь нет, — заключил Малфой, смотря на Лестрейндж. — Я позаботился, чтобы даже в случае чудесного воскрешения из могилы ты не выбралась.

— Малыш Драко, — рассмеялась Лестрейндж. — Неужели ты считаешь, будто меня остановят твои попытки углубиться в древнюю магию? Дорогой, ты должен быть о любимой тёте лучшего мнения.

Она накручивала на палец свой локон, широко улыбаясь, отчего Гермиона видела её гнилые зубы, моментами похожие на звериные клыки. Дрожь бежала по телу, и Гермиона неосознанно вложила руку в ладонь Малфоя, крепко сжимая.

— Какая тётка — такое и мнение, — ухмыльнулся Малфой, словно пытаюсь дразнить её. — А ты иллюзия.

— Как грубо, — нахмурилась Лестрейндж. — Разве тебя так воспитывали?

— Так докажи, — добавил он, склонив голову набок, подобно ей. — Что ты не плод воображения, воспалённого этим лесом.

Ухмылка с лица Лестрейндж исчезла так же стремительно, как прозвучал её смех этим утром. Она приблизилась к ним, всё ещё удерживая палочки в руках и смотря в глаза Малфоя. Словно не могла поверить, что он адресовал всё сказанное именно ей. Звучало как серьёзная ошибка, но понять, так ли это, они смогут только...

— Диффиндо! — воскликнула она, направляя оружие вперёд.

Проклятие пронеслось рядом с ними, и поток силы едва зацепил Малфоя. Он резко зашипел и схватился за плечо. Гермиона увидела кровь, окрашивающую его руку. Лестрейндж оскалилась и тут же двинулась на них. В этот момент, когда сомнений, что происходящее — не галлюцинация, не оставалась, а их палочки были у врага, Драко сказал самое верное, что могло прийти в голову.

— Бежим.

Потянув Грейнджер за собой, Малфой нёсся вперёд, она едва поспевала. Позади слышался злосчастный голос Лестрейндж, ветки били в лицо, а ноги проваливались в рыхлую землю и цеплялись за выступы корней. Уже не имели значения ни артефакт, ни должность, ничего, только смерть, дышащая в спину.

Неизвестно, сколько они пробежали, но один из выступов оказался роковым. Очередное касание носка к твёрдому стволу, и Гермиона уже не чувствовала руки Малфоя, а катилась вниз по склону среди листвы. Закрыв лицо, она ещё несколько раз перевернулась, пытаясь свернуться калачиком, пока не оказалась

на ухабистой поверхности и не услышала журчание.

Открыв глаза, Гермiona села и увидела, что лежит в кровавом ручье, поток которого протекает из глубины леса. Подскочив, она тут же врезалась в грудь Малфоя, схватившего её за плечи и притянувшего к себе.

— Это неправда, Грейнджер, — начал говорить он в попытке её успокоить.

Но Гермiona видела окровавленное плечо и в смятении оглянулась на ручей, где... *шла обычная вода.*

— Я же... — недоумевала она, смотря на землю. — И твоя рука...

Повернувшись к его плечу, она всё ещё лицезрела кровь, но Драко отрицательно покачал головой. Оглядевшись, он кивнул Грейнджер в другую сторону от той, где они приземлились. Там был их лагерь.

— Мы сделали круг? — недоумевала она.

Словно забыв о Малфое, она побежала к палатке и, войдя туда, отшагнула назад. Их палочки лежали ровно так же, как их вчера оставили. Будто к ним никто не прикасался, словно не было Лестрейндж и всё это...

— Галлюцинация, — заключила Гермionу, сглотив ком, подступивший к горлу.

— И они становятся сильнее, — выдохнул Малфой, доставая карту из внутреннего кармана мантии. — А мы ещё не дошли.

Это место сводило с ума, издеваясь над сознанием и извращая все воспоминания. Мозг становился врагом, а прошлое — его оружием, и казалось, что выбраться отсюда живыми становится задачей из категории «невозможно».

— Выглядит как детская игра, — хмыкнул Драко, но продолжил держаться за красную нить, привязанную к одному из деревьев у их лагеря.

Грейнджер предложила это, основываясь на магловском мифе. Будто однажды некий Тесей, попавший в лабиринт, где обитал монстр минотавр, выбрался именно благодаря подобному приспособлению. Его для Тесея нашла Ариадна — девушка, которая его любила, и он смог спастись из обители чудовища только с помощью её подарка.

Драко усмехнулся.

Ему эту нить вручила Грейнджер, чтобы в случае длительного отсутствия пойти следом и помочь ему. Они договорились на двадцать минут, дольше она не дала ему на прогулку до истока ручья и обратно. Грейнджер за него переживала — это было в новинку и удивляло даже больше, чем их ночи в одной постели.

Их было всего две, но вчера, засыпая, Драко ловил себя на мысли, что не против продолжить эту небольшую традицию. Он спал с девушками, в ином и

далеко не романтическом смысле, но с Грейнджер было иначе. Её присутствие рядом, кожа к коже, будоражило больше, чем секс с другими. Знай он, что так произойдёт, давно бы устроил это надуманное перемирие — оно открывало слишком много приятных перспектив.

Дойдя до истока ручья, Драко увидел небольшое озеро, окружённое деревьями. Или это была очередная галлюцинация. Отличать несуществующее от реального становилось всё сложнее. Но Драко знал одно — Грейнджер была настоящей.

Драко раскрыл карту, перенося значения с неё на лес и понимая, что придётся плыть через озеро, чтобы дойти до артефакта. Задачи становились всё более тяжёлыми. Эта местность была опасна, воспалена, подобно мозгу его тётушки, а вода отторгала ещё больше. Слово там было ужаснее.

Развернувшись, он уже собирался пойти обратно, как услышал всплеск сбоку от себя. Слово некто появился с другой части леса и нырнул в сомнительный водоём. Это галлюцинация? Существо? Или Грейнджер не выдержала? Все три варианта настораживали.

Был ли в этом лесу кто-то ещё? Возможно, он бы смог объяснить, как галлюцинация нанесла Драко настоящее ранение, которое сейчас ощутимо кольнуло.

— Ты такой медленный, — голос со стороны воды.

Знакомый.

Продолжая удерживать нить, что словно связывала его с лагерем, Драко оглянулся. И увиденное заставило сомневаться в рассудке...

Грейнджер стояла в воде, её тело, практически всё, скрывала тёмная гладь, и она с улыбкой смотрела на него. Её волосы были мокрыми, словно она окунулась с головой, а руки равномерными движениями расходились по сторонам, удерживая её на поверхности.

— Идёшь? — спросила она.

Это была *не Грейнджер*. Она в лагере, собирала вещи, чтобы они скорее отправились дальше, пока солнце опять не зашло. Он был уверен, совершенно точно, абсолютно, и это не должно поддаваться сомнению.

— Драко, — сладкий голос ласкал слух.

Он ослабевал. Взгляд Грейнджер, её улыбка, почти обнажённое тело и слова, подобно Империи, тянули его вперёд. Прямо в воду, чтобы утонуть и навсегда остаться пленником этого леса.

— Ты же не оставишь меня здесь? — аккуратно поинтересовалась она. — Я не хочу плавать одна. Составишь мне компанию?

Это не Грейнджер. Не Грейнджер.

— Нет, пойду в лагерь, — равнодушно бросил Драко и развернулся.

— Пстой, — окликнула она его.

Уходи, Драко, сейчас же.

Он остановился, за спиной журчала вода, словно Грейнджер покидала озеро. В горле замер ком, а нечто неосоздаемое заставило его оглянуться. Словно Приворотное зелье, ведущее по стопам за ароматом.

Она выходила из воды, медленно вышагивая вперёд, её тело всё больше обнажалось, она была совсем без одежды и с улыбкой шла к нему.

— Я нравлюсь тебе? — спрашивала она, приближаясь.

Словно отрисованные искусным художником ключицы, смуглая кожа, аккуратная грудь с твёрдыми сосками, рёбра с едва видимым очертанием скелета, плоский живот, бёдра. Он, будто под гипнозом, оглядывал её, не пытаясь и не желая отрываться, но всё ещё ощущая красную нить, обвитую вокруг запястья.

— Нравлюсь, — шептала она.

Стоя почти вплотную, она прижалась к нему обнажённой грудью, сливаясь в медленном тягучем поцелуе. Холодном, словно смерть, но притягивающем, будто Амортенция с ароматом грейнджеровских духов. Он отвечал, наслаждаясь ею в ответ, пока рациональная часть сознания, кричащая на задворках мыслей, не добралась до разума.

«Натяни нить сильнее вокруг запястья, если станет плохо. Это поможет».

Слова Грейнджер вторили в голове, и Драко последовал её совету, ощущая, как ладонь холодеет, а кровь перестаёт поступать. Словно конечность немеет перед нелюбопытной процедурой ампутации.

Открыв глаза, Драко увидел пустоту. Никакой Грейнджер здесь не было, хоть грудь его и оставалась влажной, а на губах ощущался вкус смерти.

Происходящее не выходило из головы Гермионы ещё долго. Раз за разом она прокручивала в сознании события в лесу за последнее время и пыталась найти способ отрезвить себя. Им нужно было лекарство от игр разума, которое всегда покажет, что реальность, а что является плодом воспалённого воображения. Единственное, к чему пришла Гермиона, так это к нити, сжатие которой позволит ощутить боль.

Не настолько сильную, чтобы умереть, но достаточную для спасения жизни и восстановления мироустройства в голове. Но насколько этот процесс поможет, она не знала, одна надежда — попробовать. Заставить себя ощутить боль в следующий раз, когда перед глазами появится картина, невозможная в реальности.

— Ты готова? — спросил Малfoy, вернувшись из леса.

— Да, почти, — выдохнула она, поднимаясь и осматривая вещи.

Им нужно было идти. Время в этом месте исчислялось иначе, чем в реальности, и, когда наступит вечер или ночь, предугадать было сложно. День всегда был пасмурный, небо серое, а ветер щекотал кожу. Сумерки опускались за считанные минуты, и привал устраивали там, где придётся. Это замедляло путь.

Подойдя к одному из деревьев, Гермiona потянулась за сумкой, которую повесила несколько минут назад. Но та будто оказалась выше, чем была, из-за чего Гермione пришлось опереться на ствол и встать на носочки. Но пальцы, едва касавшиеся тканевого дна, не слушались, и каждый раз, когда Гермiona считала, что почти схватила сумку, та ускользала.

Вероятно, со стороны это выглядело слишком комично.

— Ты из принципа не просишь помощи? — спросил оказавшийся позади Малфой.

Он вытянул руку и тут же достал сумку, вручая её Гермione. Она обернулась и сразу врезалась в его грудь, но в этот раз он не прижал ей к себе в попытке успокоить и не освободил дорогу. А так и продолжил стоять рядом.

Вздёрнув подбородок и прищурившись, Гермiona вобрала в лёгкие больше воздуха.

— А тебе не хватает ран? Хочешь ещё одну? — хмыкнула она, кивая на его плечо.

— Ты не сделаешь мне больно, — ухмыльнулся он, пожав плечами.

Брови Гермiony поползли вверх, а возмущение перекрыло страх в сознании, будоража утренние чувства.

— Уверен? — выгнув бровь, спросила Гермiona.

Малфой осмотрел её снизу вверх и занёс ладонь на дерево за её спиной, заставив Гермionу вжаться в кору. Приблизившись к её лицу так, чтобы она чувствовала его дыхание и не могла видеть ничего, кроме его глаз, он ответил:

— Абсолютно.

Шёпот, обжигающий сдержанностью.

— Если я повторю удар с третьего курса, что пострадает больше: твоя самооценка или вера в себя? — не унималась Гермiona, словно желая этой перепалки больше, чем воздуха.

Она будто плыла по наитию, гонимая невидимым маяком, ведущим по тропе воспоминаний прошедших дней. Его присутствие, вопросы, машина, комната, кровать, спальня, их поход сюда, прикосновения, маленькие победы, залечивание ран, вновь постель, утро...

Все эти картины калейдоскопом проносились перед глазами, топя

рациональное сознание в приятном чувстве, которое не хотелось упускать.

— Если я тебя поцелую, — он взглянул на её губы и вернулся обратно, смотря в упор, — что сдастся первым: упрямство или желание?

Дыхание перехватило. Гермиона не верила в услышанное и попыталась уйти, когда Малфой прижался к ней сильнее, и она почувствовала биение его сердца. Как вечером, ночью, утром, при каждом сближении.

Её колотилось в унисон.

— Не уходи, — прошептал он, проводя носом по её скуле. — Я же знаю, что тебе нравится.

— Самоуверенный...

— И ты мне нравишься, — перебил он её, ловя взгляд.

Его пальцы скользнули вверх по её плечам, едва касаясь шеи и проводя тыльной стороной ладони по щеке. Каждое прикосновение — табун мурашек по коже и жар, распалющийся в груди. Она поймала себя на мысли, что почти не дышала.

— Знаешь, что я люблю в тебе, Грейнджер? — спросил он, проводя большим пальцем по её губам.

Гермиона сглотнула ком, подступивший к горлу, а Малфой поставил колено между её ног, почти наваливаясь.

— Твой мозг, — шёпот обдавал сознание приятной истомой. — Твоё упрямство, — губы Малфоя спустились на щеку, оставляя поцелуй. — Жажду власти.

Руки Малфоя уже были на её талии, проводя вверх до груди и сжимая её сквозь ткань. Из Гермионы вырвался стон, и он улыбнулся ей в шею.

— Обожаю твоё желание всё контролировать, — он целовал её кожу, отчего она прикрыла веки в наслаждении и содрогнулась от нового действия. — И принцип оставаться во всём первой.

Губы Малфоя касались её ключицы, заставляя стиснуть зубы и зажмурить глаза от нахлынувших эмоций.

— Ты не выносишь это, — дрожащим голосом ответила она. — И меня ненавидишь.

Малфой усмехнулся, целуя подбородок и поднимаясь выше к уху. Шёпот был подобен огню — это уже не тепло, а пожар, обдающий кожу.

— Я тоже так думал, но однажды понял важную мысль, — его губы опустились ниже, почти касаясь её, пока Малфой смотрел ей в глаза. — Я ненавижу лишь факт, что ты не принадлежишь мне.

Она глядела на него, видя отражение собственных эмоций. И если это игра,

она была на волоске от того, чтобы сдаться.

— Отдайся мне, — прошептал он, едва касаясь её губ своими. — Если даже мы выйдем отсюда живыми, наши пути уже не пересекутся.

Он уговаривал, убеждал, подобно искусителю, приводил аргументы, которые заставили бы её сдаться. И она хотела этого — настолько, что разом расплывался в пучине эмоций, переполняющих её.

— Пожалуйста, Грейнджер, — продолжал он.

И она сдалась, подавшись вперёд. Ледяные губы, холодные пальцы и сила, вжимающая её в ствол дерева. Это был Малфой, которого она ненавидела за то, что не получала, и желала. Пьянящее чувство наполненности сознания и души, словно всё, чего ты хотел, рисовалось перед глазами.

Его руки касались её, поцелуи спускались по шее, а лихорадка передавалась по воздуху. Словно в апатии, они сминали губы друг друга, слыша тихие стоны — то ли его, то ли её. Вопрос, ответ на который потерялся в сознании.

Рывок. Ладони Малфоя оказались на её груди, и он с силой схватил футболку, разрывая её и припадая к коже. Холод и ветер обдували, заставляли дрожать не столько от мороза, сколько от чувств, его прикосновений и...

— Грейнджер?

Гермиона открыла глаза и увидела Малфоя, но не того, что секунду назад целовал её грудь и уговаривал сдаться. Другой Малфой стоял около красной повязанной нити, которой было обтянуто его запястье. И именно она сейчас с болью врезалась в кожу на руке.

Опустив голову перед собой, Гермиона обнаружила ничего, будто бы здесь никого не было...

Остаток дня они шли в тишине, иногда передавая карту друг другу. Никаких шуток, подначиваний, замечаний или вопросов. Драко не спрашивал, почему Грейнджер стояла в разорванной футболке у дерева и едва не стонала. А она не уточняла, что за лицо бледнее смерти у него было, когда он вернулся с озера.

Они молча собрали вещи и двинулись в путь, шли быстро, озираясь по сторонам и держа нитки на запястьях, чтобы напомнить себе вкус реальности, если она ускользнёт. Это была терапия, лёгкий, быстрый и удобный способ вернуть рассудок, когда его попытаются забрать. Главное — вовремя понять, что происходит, иначе не успеешь затянуть узел.

Когда до нужной точки оставалось совсем немного, солнце уже садилось, и они начали устанавливать лагерь. Всё в той же тишине, где были слышны лишь шелест травы под их ногами, шёпот заклинаний и движения. Словно они не были знакомы.

После поцелуя с галлюцинацией Драко чувствовал, что должен ей об этом рассказать. Вероятно, Грейнджер тоже хотела поделиться, из-за чего часто

посматривала в его сторону. Но они молчали, оба.

Когда Драко вошёл в палатку, Грейнджер уже лежала в их кровати, сжимая палочку под подушкой. Он не задавал вопросов, лишь прошёл дальше и, переодевшись, опустился рядом с ней, также удерживая одну руку на древке. Вновь тишина, разбавляемая дыханием и лёгким завыванием ветра.

Они не выдержали.

— Я видела тебя, — сказала Грейнджер, не поворачиваясь к нему. — Мы... целовались.

Больше, чем целовались, Драко.

— На озере появилась ты, — признался он, смотря ей в спину. — Заманивала меня в воду, а после вышла сама.

Он запнулся, думая, стоит ли говорить, насколько она была обнажена, впрочем, по его мнению, для Грейнджер это очевидно. Но она не хотела поднимать эту тему и слышать подробности своей наготы перед ним.

— Он говорил... разное, — она прочистила горло.

Улыбка неосознанно пронеслась на лице Драко. Он был уверен, что сейчас она краснела, представлял, что ей могли сказать.

— А меня она поцеловала, — выдохнул он. — Я вспомнил твои слова, потянул за нить, и всё пропало.

— Меня остановил ты. Настоящий, — выдохнула Грейнджер. — Видимо, из нас двоих мной овладеть было проще...

Драко отрицательно покачал головой и придвинулся ближе к ней, вновь кладя руку на талию Грейнджер и прижимая её к своей груди. Она слегка вздрогнула от прикосновения, а дальше стала настолько податливой, что Драко оказался благодарен галлюцинации.

— Какие аргументы нужно привести, чтобы ты мне позволила разорвать на тебе одежду? — шепнул Драко ей на ухо.

— В каком виде я должна была выйти, чтоб ты позволил себя одурачить? — обернувшись, спросила Грейнджер.

Он бродил взглядом по её лицу, цепляясь за каждый мускул. Наблюдая в глазах жизнь, а не отражение. Пухлые губы, а не их синеватый оттенок. Смуглую кожу, не напоминавшую очертание человеческого скелета. Она была другая, не являлась тем, что он видел на озере, хоть там и находилась иллюзия, порождённая собственным мозгом. Даже он не смог воспроизвести лучшие черты Грейнджер.

Драко подался вперёд, накрывая её губы в поцелуе. Жадном и горячем, словно попытка угнаться за кислородом на виселице. Это не было похоже на озеро, на фантазии или представления, только реальность и настоящее. И Грейнджер ему отвечала, не эфемерная ложь, подкреплённая изошрённой

магией, а живая девушка.

Отстранившись, он заметил в её глазах растерянность, будто она не верила, что перед ней он, или не могла осознать, что это реальность. Пальцы Драко опустились на её запястье, где виднелась красная нить, и натянули её, заставив Грейнджер понять, что всё по-настоящему.

— Убедился? — прищурилась она, пытаясь найти опору в его действиях.

— Нашёл лучший способ проверить, кто передо мной, — ухмыльнулся Драко.
— Есть существенные отличия.

Её глаза поблескивали — не от слёз, а будто там пробуждался свет. Давно потухший и спрятанный за стенами боли, чувством вины и бесконечных попыток сбежать от собственных недугов. Теперь огонёк возрождался, и Драко вспоминал, как по нему соскучился.

— В чём же разница между мной и галлюцинацией, Малфой? — она приподнялась на локтях, придвинувшись к нему.

— Твой поцелуй с привкусом жизни, — произнес он ей в губы.

В этот раз она наградила Драко убеждением, обхватывая ладонями его лицо и обдавая тёплым дыханием подбородок. Это была взаимность — как в сумасшествии, так и в желании.

Примечание к части

Нет, ну, вы видели? Вот это я понимаю поход удался) Кто сразу догадался, что галлюцинации? Поднимаем лапки. А вообще фастбёрн в лучших традициях, поэтому скорее жду ваши впечатления и мысли о происходящем)

А больше меня можно встретить в моём тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 5 «Разрушение»

Лес всё ещё навевал страх, но вместе с этим казался ничем по сравнению с приятным воодушевлением, клопочущим в груди.

— Если я однажды попаду в прошлое, — фантазировала Гермиона, — то найду тебя и скажу, что мы целовались.

— Платиновые волосы не седеют, Грейнджер, — закатил глаза Малфой.

— Поэтому я рассчитываю на обморок, — улыбнулась она, на мгновение оглянувшись.

С самого утра, пока они шли, перед глазами не возникло ни одной галлюцинации, и их не разбудило создание, планирующее убийство. Будто они очнулись не в лесу, подпитываемым магическим артефактом, а всё там же в Лондоне.

— Я так нравлюсь тебе в горизонтальном положении? — спросил он, ухмыльнувшись и нагнав её.

Нет, всё было не как раньше.

Ещё неделю назад она не могла представить ситуации, где они с Малфоем подстрекают друг друга и это никого не задевает. словно два старых друга, прожившие вместе десяток лет и не удивляющиеся ничему.

— Ты нравишься мне молчащим, — хмыкнула она и ускорила шаг, слыша шелест листвы позади.

— Однажды ты не захочешь, чтобы я молчал, — заявил Малфой, нагнав её и положив руки на талию. — Никто другой твоего нрава не выдержит.

Шёпот обжёг мочку уха, и, оставив короткий поцелуй на её щеке, Малфой двинулся дальше, загадочно посматривая на неё. Она прищурилась и быстрыми шагами преодолела расстояние между ними, преграждая ему путь.

— В этом мы похожи, — пожала она плечами и резко отвернулась, направляясь дальше. — Ставлю всё твоё самолюбие, что Драко Малфоя выдержит далеко не каждая девушка.

— Грейнджер-Грейнджер, — покачал головой он, идя с ней наравне. — Вот с кем, а с дамами я общий язык всегда найду. Иногда и в буквальном смысле.

Он подмигнул ей и ускорил шаг, оставляя удивлённую Гермиону. Она не знала, что поражало её больше: то, с каким лицом и явным намёком он ей это говорил, или что на ней эти способы тоже отрабатывал.

— А ну стой, Малфой, — возмутилась она, нагоняя его.

Но как только она добралась до него, то не смогла сказать и слова. Малфой замер на поляне, к которой они вышли, и в ней, казалось, не было ничего необычного. По кругу росли всё те же деревья, небо до сих пор будто

сигнализировало о дожде. Но единственное, что отличало это место от других, — дом.

Небольшая хижина с двумя окнами, распахнутой настежь дверью и террасой, где сидела неизвестная фигура. С той части леса, где они стояли, было сложно рассмотреть, кто же это, но Гермиона и Малфой переглянулись. Они были готовы увидеть любого призрака прошлого, который попытается их уничтожить.

— Идите же, — голос словно раздался в их головах. — После всего это я должен вас бояться, а не наоборот.

Малфой двинулся первым, выставляя руку вбок, защищая Гермиону от неизвестного. В разуме звучал хриплый смех, словно сидящего на террасе забавляли их попытки спастись.

— Ну же, мистер Малфой, мисс Грейнджер, — вкрадчиво вещал голос. — Вам нечего больше бояться, считайте, что дошли до заветной точки на карте.

Рука Гермионы нырнула в сумку и вытащила пергамент. Развернув его, она поняла, что они с Малфоем рядом с артефактом. Но где именно тот зарыт, Гермиона не знала, хоть и начинала предполагать, что он давно выкопан. И находится у незнакомца, медленно поворачивающегося к ним.

— Чаю? — спросил он.

Гермиона ожидала увидеть чудовище, некое существо, внушающее ужас. Но это был пожилой мужчина в потрёпанной мантии, с небольшой бородой, тёплой улыбкой и добрыми глазами. Словно он не сидел во главе кошмара, которого боялись сотни людей в мире.

— Воздержимся, — ответил Малфой, стараясь загородить собой Гермиону.

— Вы так подозрительны, мистер Малфой, — усмехнулся незнакомец. — Будто вас обманула одна озёрная леди.

Мужчина определённо издевался, но не так, как это делали слизеринцы или желавшие задеть авроры. Напротив, в его словах не было и намёка на злобу или неприязнь, скорее желание разрядить обстановку.

Сколько он здесь просидел? Как давно видел в последний раз человека?

— Воочию? — спросил незнакомец, обращаясь к изумившейся Гермионе. — Вы громко думаете, мисс.

Мужчина вытянул руку, отчего пара стульев выдвинулась ближе к краю, будто приглашая присесть. Малфой не хотел этого делать, подозрительно осматриваясь, но Гермиона, всё ещё глядящая в добрые глаза старика, повела Малфоя за собой. Усадив его рядом, она тоже опустилась на мебель, осматривая небольшой плетёный столик.

Три чашки. Чайник. Ваза с ягодами. Он ждал их?

— Разумеется, — махнул рукой незнакомец, опустившись напротив них на качели. — А людей так близко я не видел давно.

Мужчина повернул голову к лесу, внимательно пробираясь взглядом по окрестностям, словно задумался. А после резко посмотрел на Гермиону и Малфоя. Последний из которых всё ещё не понимал, почему незнакомец говорил сам с собой.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи шестой, — ответила Гермиона

— *Очень давно.*

Чайник взмыл в воздух и разлил напиток по чашкам. От жидкости шёл густой пар, а аромат трав и чувство тепла мгновенно заполнили террасу.

— Пробовали не жить в центре проклятого леса? — хмуро спросил Малфой. — Знакомых прибавится, гарантирую.

— Замечу, что особенности местности вам не помешали найти меня, — прищурившись, заметил незнакомец, делая глоток из чашки. — Было бы желание, не так ли?

В воздухе повисла тишина, Малфой сверлил взглядом мужчину, тот спокойно пил чай, думая о своём. Казалось, что лишь Гермионе в этом немом спектакле уже не терпелось перейти к делу. Несмотря на всё положительное, что здесь произошло, оставаться в этом лесу ей хотелось в последнюю очередь. Он всё ещё навевал ужас.

— Всё самое страшное вы уже прошли, — произнёс мужчина, смотря на неё, а после сконфуженно улыбнулся. — Простите, не могу сдержаться, чтобы не урвать ваши мысли.

— Как вас зовут? — спросила Гермиона, стараясь прежде об этом не подумать.

— Алмер, — улыбнулся мужчина. — Хранитель сабмишн.

Сказав это, он коснулся украшения на своей шее. Не нужно было много времени, чтобы узнать в нём искомый артефакт. Серебряный амулет с резными рунами, идеально начищенный и поблёскивающий отражением неба.

— Вы же пришли за ним? — тепло спросил он, ставя чашку на столик. — Впрочем, меня интересует другое. Зачем он вам?

— А вы собираетесь его отдать? — фыркнул Малфой.

Алмер свёл брови к переносице, взгляд его похолодел, и Гермиона резко опустила руку на плечо Малфоя, словно намекая, что продолжит разговор сама. Присев ближе к краю стула, она положила ладони на колени и выпрямила спину, неотрывно смотря в глаза Алмеру, ожидающему ответа.

— Мы прибыли из Великобритании, наш министр потребовал найти этот артефакт, — пояснила она. — По его словам...

— Жестокий у вас министр, — без злобы или отторжения ответил Алмер.

— Не говорите загадками, — строго произнёс Малфой.

Гермиона тяжело выдохнула, желая объяснить, почему Кингсли потребовал артефакт, и убедить Алмера, что это лишь реликвия, которую тот ищет. Но, судя по взгляду, Алмер слышал её мысли, но сожаление в его глазах совершенно не успокаивало. Складывалось чувство, будто он знал о Кингсли намного больше, чем она и Малфой вместе взятые.

— Что о нём сказано? В вашем мире, — спросил Алмер.

— О свойствах, — спокойно ответила Гермиона. — Люди, пересекающие границу леса, видят галлюцинации, время здесь идёт иначе и...

— Иронично, что магический мир не удосужился даже передать историю этого места, — фыркнул Алмер.

И именно сейчас в его голосе слышался яд, будто только этот факт его раздражал и задевал, а не приход Гермионы и Малфоя или их желание забрать у него охраняемый артефакт.

Алмер отвернулся, вновь огибая лес взглядом. Губы были сжаты, пальцы стиснули небольшое покрывало на качелях. Его будто оскорбляла мысль, что ни Гермиона, ни Малфой толком не знали, что именно здесь произошло.

— Его создал мой прадед, — выдохнул Алмер. — С помощью амулета он проверял своих воинов на преданность их идеалам.

Алмер взял в руки артефакт, сжимая его и стискивая зубы.

— Когда тот умер, дед зарыл его здесь, раньше тут располагалось поселение, — Алмер выдохнул. — Но не долго сабмишн лежал в могиле...

905 год, деревня Хойя, Трансильвания, Румыния.

За стенами хижины завывал ветер, пробирающийся сквозь небольшие трещины в стенах. Он же колыхал огонь свечи, стоявшей на столе. Заметив это, Алмер ускорился, пытаясь закончить письмо скорее, пока порывы не стали сильнее. Он обещал себе, что сегодня не будет зажигать её заново, чтобы заняться делами. Иначе так опять просидит до самого рассвета.

Вдруг дверь в хижину открылась, свеча резко потухла, и он тяжело вздохнул, отрицательно покачав головой.

— Синрик, сколько раз...

— Я нашёл его!

Не слушая брата, Синрик прошёл в комнату и бросил заклинание на свечу, зажигая её и кладя на стол свою старую мантию, в которую было что-то завернуто. Алмер внимательно осмотрел ту и перевёл вопросительный взгляд на Синрика.

— Ты не понимаешь? Я нашёл дедовскую могилу, — фанатично прошипел Синрик.

Развернув мантию, он поднял небольшую шкатулку и, открыв её, достал серебряную подвеску. Алмер узнал её сразу же — по записям, оставленным отцом перед смертью. Именно их он потерял несколько недель назад.

— Зачем тебе это? Амулет опасен, — тут же начал Алмер, подскочив со скамьи и отойдя дальше от стола.

— Собираю наше наследие, — ухмыльнувшись, сказал Синрик. — У всех в клане есть фамильные предметы, а у нас с тобой...

— Потому что это чёрная магия, — насторожился Алмер. — И, приведя сюда остальных, мы дали обещание...

Синрик бросил на Алмера злой взгляд и схватил амулет со стола, повесив его себе на шею. Шкатулку он выбросил в камин, где горел огонь, а рубаху очистил и отправил в небольшой шкаф у стены. Наблюдая за его действиями, Алмер всё время пытался заглянуть в глаза Синрика, но тот словно прятал их, не желая продолжать беседу.

Тогда Алмер аккуратно подошёл к брату, уже сидевшему на постели, и положил руку на его плечо, опускаясь рядом.

— Мы здесь чужие, — сказал Синрик. — Они не жалуют нас, а за спиной сквернословят. Как ты не понимаешь?

— Им нужно время, — успокаивал Алмер, поглаживая его плечо. — Однажды мы станем одним из самых сплочённых кланов, и тогда ты забудешь о таких мыслях.

Синрик молчал, сверля взглядом пол, где плясала огненная тень. Он всем своим видом показывал, что не хочет принимать это на веру.

— Я рядом с тобой, брат. Помнишь? — спросил Алмер, наклоняясь вперёд.

Сглотнув ком, подступивший к горлу, Синрик слабо кивнул.

— Можешь оставить амулет, как память о семье, но не используй его на других, обещаешь?

Взглянув в глаза, Синрик поджал губы, не желая идти на соглашение и препятствовать плану, что зрел в его голове. Но он слишком любил брата, чтобы рассказать обо всём, что творилось в его душе.

Это и стало ошибкой.

— Обещаю, — прошептал Синрик.

И это была самая жестокая ложь на его памяти.

2006 год, Трансильвания, Румыния.

— Нет ничего ужасного в сохранении памяти о семье, — приснул Малфой, прищурившись.

Алмер усмехнулся, отрицательно качая головой и замечая на лице Гермионы понимание. Она знала, к чему идёт история.

— Синрик не хотел сохранить память о семье, — пояснил Алмер. — Он желал власти, признания и очень быстро нашёл, как получить это.

Алмер показал амулет, поочерёдно проводя пальцем по каждому из трёх кругов и шепча лишь ему понятные слова.

— Сабмишн создан не для галлюцинаций, — тихо сказал Алмер, неотрывно смотря на артефакт в своих руках. — Его сотворили, чтобы сломать и подчинить себе кого угодно.

— Но как? — вырвалось у Гермионы.

В голове каждую секунду сменялись воспоминания о том, что они прочли в книгах, узнала в Министерстве и получила от Кингсли. Но ни в одном источнике, даже самом древнем, и слова не упоминалось о подобных свойствах.

— Когда вы попадаете под власть амулета, то он, проникая в ваше сознание, распаляет худшие моменты жизни, чтобы сломать. Сначала тело...

Алмер провёл по крайнему кругу амулета, а в голове Гермионы вторили слова Пэнси, попытки той наброситься и сделать больно.

— После сознание, — подушечка его пальца коснулась второй окружности артефакта.

«Белла враг мозга, Грейнджер. Вспомни, что она сделала с Долгопупсами, это тот случай, когда смерть гуманнее», — слова Малфоя, сказанные им около полугода назад, звучали в голове.

И Гермиона, и Малфой считали её таковой. Поэтому они видели её вместе, это представление в их сознании абсолютно совпадало.

— И самое потаённое, — прошептал Алмер, проводя пальцем по последнему кругу. — Чувства.

«И ты мне нравишься», — говорил фантом.

«А меня она поцеловала», — рассказывал Малфой.

Всё происходящее в лесу в мгновение складывалось в единую картину, латая каждую оплошность непонимания и расставляя шахматы в правильном порядке. Артефакт пытался сломать их, начиная с самых низов. И он делал это с каждым, кто здесь появлялся. Поэтому лес пугал...

— Моя семья занималась тёмной магией веками. Но отец хотел очиститься от этого, и после его смерти мы заручились поддержкой светлых волшебников. В обмен на разрешение расположиться в этой местности, они приняли нас в свой клан, — продолжал Алмер.

— Но друзьями вы им от этого не стали, — понимающе продолжил Малфой, получая грустную улыбку от Алмера.

В воздухе повисла нагнетающая тишина, подводящая их к сути истории. Тому моменту, который должен был окончательно укоренить в мыслях Гермионы и Малфоя понимание, что этот артефакт опаснее, чем они могли предположить.

— Синрик подчинил их всех. Одиннадцать самых сильных волшебников стали его куклами, без воли, желаний и амбиций. Выбора не было, мне пришлось...

906 год, Трансильвания, Румыния.

Алмер стоял посреди поляны, осматривая рядом лежавшие трупы. С его рук стекала кровь, ожоги от проклятий шипели, а ноги едва держали. Перед ним были его товарищи — умершие, с пустыми взглядами, потерянным сознанием и сломанной волей. Они нападали на него, поражали, пытались уничтожить, когда раньше вставали на защиту.

Это было больно, ужасно, горестно, но необходимо. Для общего блага, которое ему придётся сохранить. Потому что он не смог удержать собственного брата, поверив ему и оставив амулет в руках. За ошибки приходилось платить, иногда слишком дорого.

— Что ты натворил? — сквозь зубы прошипел Синрик, появившийся за его спиной.

Алмер повернулся к нему, чувствуя, как глаза колет от слёз. Столько ярости было во взгляде Синрика, что он уже не узнавал младшего брата, носившего ему бадьян для изготовления зелий. Того мальчика давно не существовало, на смену ему пришёл озлобленный маг, забывший, что такое семья.

— Исправил свою ошибку...

— Ты убил клан магов, Алмер! — разъярённо закричал Синрик.

Он в считанные секунды преодолел расстояние между ними и схватил Алмера за ворот рубашки, приподнимая.

— Сломал всё, что я построил для нас!

Он кричал — долго, злостно, — выпуская бурлящие эмоции и чувства, вероятно надеясь, что ему станет легче. Но Алмер давно понял, что этому не бывать. Невозможно голосом вытравить боль, поселившуюся в сознании, и обиду, живущую в душе.

— Это уничтожил ты, — выдохнул Алмер. — И теперь мы пожинаем последствия.

— Не волнуйся, я освобожу тебя от этой ноши, — сказал Синрик, бросая Алмера на землю. — И построю всё заново. Но уже без тебя.

Алмер с болью смотрел на Синрика, в котором уже не узнавал брата, и надеялся, что однажды его душа очистится от произошедшего. Возможно, не в

этой жизни, вселенной и мире, но когда-нибудь это всё-таки случится.

Синрик занёс руку, удерживая палочку, чтобы бросить заклинание, но тут же побледнел.

— Я знал, что не смогу выиграть после такого, — Алмер осмотрелся по сторонам, понимая, что скоро прибавится новый труп. — Утром в твоём завтраке был яд.

Синрик подался вперёд, пытаясь напасть, но его колени тут же подогнулись, и он рухнул на землю. Алмер подполз к брату, с болью наблюдая за его смертью и ощущая, как стрелы вины одна за одной изничтожали его. Но он верил, что это был правильный поступок, понимал, что иначе для спасения мира поступить невозможно.

— Прощай, — прошептал Алмер, когда глаза брата закрылись.

От Синрика остались только тело и тот самый амулет, принёсший смерть.

2006 год, Трансильвания, Румыния.

Алмер держал артефакт, перекатывая его пальцами и внимательно изучая взглядом. Небольшой кусочек серебра, из-за которого надвое сломалась его жизнь, разделяя ту на до и после. Лишая семьи, друзей и оставляя навсегда в одиночестве посреди леса, куда маглы, будучи в своём уме, не пойдут.

— Уничтожить его я не смог, — выдохнул Алмер. — Поэтому навсегда остался здесь. Надеюсь, что однажды передам эту ношу.

Он поднял взгляд на Гермину, всматриваясь в неё так, словно пытался увидеть душу сквозь тело и сознание. Подавшись вперёд, он снял с себя артефакт и протянул его ей.

— Люди, что смогли ему противостоять, смогут сохранить амулет, — прошептал Алмер. — Мою жизнь он уже сломал.

— Я уверена, что наш министр ищет его лишь для того, чтобы...

— Не стоит, — подняв руку перед собой, сказал Алмер. — Я не хочу ничего знать о его дальнейшем судьбе, больше нет. Он причинил достаточно боли Брустверам.

Услышав последнее, Гермину и Малфой тут же переглянулись. А Алмер, казалось, уже не обратил на это внимания. Он всё ещё смотрел в лесную чащу, погружаясь в собственные мысли. Возможно, это было следствием одиночества, но Гермине казалось, что всему виной изнеможение. Даже бессмертные рано или поздно устают жить, а он пробыл на этом свете слишком долго.

— Можете идти, лес выпустит вас, — спокойно сказал Алмер, а после усмехнулся, глядя на Малфоя. — И я бы снял повязку.

Малфой свёл брови к переносице, не понимая намёка. Но тут же потянул мантию с плеча, оголяя его. Гермину вытянула шею, пытаясь осознать, к чему клонит Алмер, вероятно сильно любивший загадки.

— Что это?

Когда Малфой опустил повязку, там была лишь бледная кожа. Ни намёка на ранение или кровь. Гермиона непонимающе посмотрела на ухмыляющегося Алмера, а после достала из сумки футболку, разорванную фантомом. Но та оказалась целая.

— Какова сила внушения, не так ли? — улыбнулся Алмер. — А теперь идите.

Гермиона хотела остаться, расспросить его, но Малфой схватил её за руку и, кивнув перед уходом Алмеру, скорее поспешил прочь. Последнее, что она видела, — как Алмер достаёт из мантии небольшой пузырёк и выливает его в свою чашку.

Вероятно, больше они о нём не услышат.

Выйдя из леса, Драко и Грейнджер узнали, что в их отсутствие прошло около трёх часов. Время действительно лилось совершенно по-другому, и осознать, что в их мире пролетело ничтожно мало, было слегка некомфортно. Но это быстро забылось. После вылазки им обоим хотелось лишь добраться до номера и заснуть без страха, что на них нападёт собственный разум.

Драко не мог подумать, что однажды обычная ванна и тёплая, чистая постель станут для него непозволительной роскошью. Палатка не шла ни в какое сравнение, поэтому Грейнджер отправилась в душ сразу же, как Драко его покинул, и всё ещё не выходила. Драко лежал на постели, рассматривая амулет и пытаясь понять, где ещё мог его видеть. Сейчас, когда артефакт лежал в его руках, это чувство лишь усиливалось.

Он перебирал в голове изображения в книгах, рассказы матери и отца, пока не затронул самую тёмную часть своего прошлого. Времена Тома Реддла отличались мрачностью и болью. Поэтому Драко не удивило, что его мозг не сразу воспроизвёл в сознании воспоминания Второй магической войны.

Они были смутными, непонятными, но несли в себе явную суть — этот артефакт хотел Тёмный Лорд. Но ни информации о текущем местоположении, ни признаков, ни истории — он обладал целым ничем, поэтому найти амулет стало проблемой. Кто бы подумал, что ненавистные ему маглорождённые могут быть полезны в этом аспекте изучения. Что уж говорить о Бруствере...

Последний с каждой минутой вызывал в Драко всё больше опасений.

Дверь ванны открылась, и оттуда хлынул пар. Грейнджер в льняной чёрной пижаме вышла и с улыбкой потянулась на носочках, жадно вдыхая воздух.

С её влажных волос ещё немного стекала вода, а покрасневшее лицо грело сердце. Она отдавала жизнью.

— Он принёс так много боли, — сказала она и опустилась поперёк постели, кладя голову на живот Драко.

— Смелеешь на глазах, — хмыкнул Малфой, прищурившись.

Грейнджер усмехнулась и перевернулась, смотря на него.

— Пробую грани дозволенного, — улыбнулась она и, потушив свет, легла рядом с ним, откладывая артефакт на прикроватную тумбу. — Кажется, они необъятны.

— Интересно, как ты запоешь, когда мы выспимся, — бросил Драко и рефлекторно положил руку на её талию.

Гермиона вновь улыбнулась и опустила ладонь поверх его, смотря в белоснежный потолок. Драко стоило рассказать ей о Лорде и артефакте, но не сегодня. На этот день достаточно впечатлений, боли и страданий.

Он скажет ей, что не хочет отдавать артефакт, но это будет уже завтра.

Примечание к части

А мы уже пересекли больше половины, вы же в курсе, да?) Как вам история артефакта? Его истинное предназначение? Мне нравится, как Драко рекомендует уехать из леса ахаха
Жду ваши впечатления и в гости в своём тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 6 «Поражённое сознание»

Воодушевлённая Грейнджер стремительно собирала вещи в сумку, постоянно застывая посреди комнаты и убеждаясь, что ничего не забыла. Драко, делающий вид, будто также складывает всё в чемодан, то и дело косо на неё посматривал. Подобрать момент, чтобы разрушить все представления о Кингсли, оказалось сложнее, чем он думал. Иронично, что пару недель назад схожие затеи не вызывали проблем.

Сообщить Грейнджер новость, которая способна пошатнуть её веру в святость Ордена Феникса? Отлично, дайте две.

А сейчас перспектива увидеть, как огонёк веры в её глазах потухнет, могла стоить слишком дорого. Он ещё до конца не осознавал, что между ними было, куда это шло и чем в итоге окажется. Но Драко успел понять важную мысль — ему было хорошо. И разрушать это он не хотел.

— Как только прибудем, сразу же отправимся в Министерство, — быстро говорила Грейнджер. — Отдадим артефакт, и подпись слетит с пера.

В конце она довольно хлопнула в ладоши, радуясь, что это задание успешно закончилось. *Только по её личному мнению.* Драко же, видя артефакт, который она то и дело перекладывала из одного отсека в другой, лишь понимал, что она должна знать.

— Я даже не удивлюсь, если он сразу передаст артефакт в Отдел тайн, — размышляла она, поправляя шторы. — Такие предметы обязаны храниться там для общего блага.

— Не думаю, что он для этого нас сюда послал, — буднично произнёс Драко, через отражение наблюдая за Грейнджер.

Она выпрямилась и внимательно взглянула на него в ответ, сведя брови к переносице. Драко обернулся к ней, скрестив руки на груди и крепко сжав своё предплечье. Он надеялся, что она не заметит его беспокойство.

— Слишком много опасности для обычного пополнения коллекции Министерства, — спокойно сказал Драко, подходя ближе к ней.

Грейнджер оскорблённо на него посмотрела, отрицательно покачав головой. Словно Драко был малым ребёнком, который не понимал истинной сути вещей. Но лишь он всё осознавал, в отличие от неё.

— Мне кажется, Кингсли узнал о том, что сотворили его предки, и решил это исправить, — предположила Грейнджер. — Чувство вины может толкнуть на многое.

Оттенки личной трагедии отражались в её карих глазах дуновением скорби. Отчего он сразу пожалел о своей идее и, наверное, отложил бы её. Это было правильно по отношению к Грейнджер. Но он уже не раз оступался, борясь за близких, и в результате страдали именно они. Благими намерениями выложена дорога в боль.

— Поэтому, Драко...

— Реддл тоже искал этот артефакт, — выпалил Драко, смотря в её глаза.

Грейнджер замерла. Линия, к которой Драко так настоятельно вёл, блеснула в её взгляде, и ему показалось, что это был хороший знак. Но уже через несколько секунд она тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой.

— Реддл и Кингсли — разные, — напомнила она, приподняв подбородок. — Кингсли не допустит страданий, войны...

— Как ты не понимаешь, — развёл руками Драко. — В этом и суть. Зачем сражаться? Лить кровь? Тратить магию и терпеть лишения? Если можно сломать всех неугодных.

Она молча смотрела на Драко, не желая признавать теорию, где Кингсли не был верным другом и соратником. Лучшим министром, которого можно было представить после ужасающих событий Второй магической.

— Кингсли не тиран, — строже добавила Грейнджер, делая шаг вперёд.

Драко горько усмехнулся, отрицательно покачав головой.

— Реддл тоже себя чудовищем не считал, — отрывисто произнёс Драко. — Удивишься, но он яростно стремился к демократии. Правда, очень извращённой.

— Не считаешь же ты, что Кингсли хочет поставить магическую Британию на колени? — в сердцах выкрикнула она, истерично усмехнувшись.

Но в ответ Драко молчал, внимательно смотря ей в глаза, тем самым подтверждая предположение. От изумления она приоткрыла рот и быстро заморгала, делая шаг назад и проводя рукой по волосам.

— Именно так ты и считаешь, — кивнула она, закусив губу. — Но нет, это всё надуманные теории, не имеющие логического обоснования.

Она отрицательно покачала головой и отвернулась к окну, словно сдерживая порывы. Вероятно, стоило подойти к ней, что Драко и попытался сделать, но она тут же обернулась обратно, указав на него пальцем.

— Мы лично спросим у него, для чего ему артефакт, — сказала она. — Поделимся историей Алмера и...

— Шутишь? — Драко выгнул бровь, не веря в то, что слышал. — Может быть, после расскажем Пожирателям в Азкабанае, как оттуда сбежать?

Она нахмурилась и поджала губы, смотря в стену. Неизвестно, что именно происходило в её голове в этот момент, но взгляд не предвещал ничего хорошего. Она была не согласна с Драко и в своей излюбленной манере уже строила стратегию, как доказать ему, что он неправ.

— Ты мне доверяешь? — вдруг спросила Грейнджер.

Вероятно, она не просто заметила, а даже почувствовала, насколько

напряглось его тело. Драко внимательно смотрел на неё, понимая, что это вопрос без ответа. Ты либо согласен с Грейнджер и её мнением, либо нет. И второй вариант мог стоить ему слишком дорого, как и первый в долгосрочной перспективе.

Она шагнула ближе к нему, беря его за руку и накрывая своей. Когда Грейнджер стояла настолько близко, казалась ещё более миниатюрной по сравнению с ним, несмотря на небольшой каблук. Драко не хотел её отталкивать, сердце твердило согласиться, заглушая голос разума, державшегося за *общее благо*.

Впрочем, *когда Драко волновало общее благо?*

— Доверяешь той, кто вырвал тебя из кошмара? — Грейнджер подняла на него взгляд. — Кого ты был готов защищать даже от Лестрейндж? — она рвано выдохнула, вставая к нему вплотную. — Чей фантом стал для тебя олицетворением чувств?

Её ладони скользнули вверх, медленно проходя по груди над тканью рубашки и замирая на плечах. Пальцы Грейнджер касались его щеки, мерно поглаживая подушечками, а она едва уловимо улыбалась, не отводя взгляда.

Опираясь на его плечи, она накрыла его губы своими. Тягучий, словно карамель, поцелуй стирал память, подводя его к обрыву. Где либо прыгаешь, забыв о последствиях, либо остаёшься смотреть, как Грейнджер летит вниз.

— Ты манипулятор, — прошептал он, как только она отстранилась.

— Самый изумительный в твоей жизни, — ответила она. — Пожалуйста, доверься мне.

Столько честности, веры и доброты, сколько жило в её глазах, не уместилось бы даже в Мэноре, не то что в сердце. Возможно, Кингсли всё-таки не так плох? Он столько лет боролся на стороне, которую они все приняли правильной. Зачем ему поработать людей?

И без того шаткие мотивы рассыпались перед Драко, оставляя ничто, заполняющееся верой Грейнджер в счастливый конец этой истории.

— Верю, Грейнджер, — прошептал он ей в ответ, получая светлую улыбку.

Это была точка невозврата, которую он прошёл по собственной воле.

— Я никогда в вас не сомневался, — восхищённо проговорил Кингсли.

Приподняв артефакт, он подошёл ближе к окну, наблюдая, как солнце играет на серебре, и улыбаясь. Гермiona и Малфой с долей некоего разочарования стояли чуть дальше, косо посматривая на два развёрнутых приказа на столе. В них не хватало всего лишь подписи министра, с которой тот не торопился.

— И насколько быстро справились, — продолжал Кингсли, наконец взглянул

в их сторону. — Всё оказалось проще?

— В лесу время идёт иначе, — строго пояснил Малфой. — В реальности прошло три часа, а мы там пробыли несколько дней.

Кингсли довольно кивнул и прошёл к своему столу. Амулет тут же взмыл в воздух и исчез, вызывая на лице Гермионы и Малфоя замешательство.

— Он отправится в Отдел тайн, — улыбнулся Кингсли. — Если он способен на подобное, — он замолчал, смотря в пустоту перед собой, стеклянные глаза будто готовились выразить эмоции, но он оборвал их, прежде чем продолжить, — то лучше пусть останется под контролем Министерства, — пояснил Кингсли. — Вдали от любого, кто захочет им завладеть.

Гермиона кивнула, соглашаясь, пока Малфой не без доли подозрительности сверлил взглядом Кингсли. И только двое из трёх в кабинете знали истинную причину подобного.

Заметив, как на него смотрел Малфой, Кингсли добродушно улыбнулся и пододвинул к себе приказы, ставя на них свою подпись. Витиеватый почерк размашисто украшал пергамент, успокаивая Гермиону и Малфоя. Долгожданные повышения, которых они желали, были на расстоянии вытянутой руки, оставалось лишь забрать.

Подписав приказы, Кингсли создал их точные копии, отправляя в архив, а другие отдал Малфоя и Гермионе. Оба с едва скрытой радостью рассматривали назначения и новые даты выхода, когда жизнь должна измениться.

Но последнее, что всё ещё терзало Гермиону, — слова Малфоя, сказанные перед их отъездом. И хоть сейчас он позволил себе ненадолго забыть о них, она всё ещё помнила. Внутри крылось ощущение незавершённости, словно ответы были нужны уже не Малфоя, а ей. Поэтому она, убрав документ, медленно подошла к столу Кингсли.

— Вы изначально планировали только переместить его? — аккуратно спросила она.

Либо ей показалось вследствие паранойи, либо на долю секунды в его взгляде мелькнул испуг.

— Конечно, — спокойно ответил Кингсли. — У тебя есть причины сомневаться?

Гермиона нервно сжала край мантии, страшась сказать то, что было на душе. Кингсли всегда заботился, учил, помогал, обвинять его в подобном казалось сущей ошибкой. Но мысли не успокаивались, раз за разом повторяя, что она обязана задать ему этот вопрос. Словно после жить станет легче.

— Хранитель артефакта, — в разговор вступил Малфой, беря её руку в свою и крепко сжимая. — Вы ведь знали, что он ваш предок?

Кингсли поджал губы и коротко кивнул. Казалось, что в эту секунду с него спала маска и он наконец расслабился.

— Не лучший факт из семейной истории, — тяжело выдохнул Кингсли. — Я совсем недавно стал разбираться в этом.

Он поджал губы, отстранённо опуская голову к полу и почти сразу возвращая взгляд к Малфою и Гермионе.

— Иногда нам приходится подчищать ошибки семейного прошлого, — спокойно и умиротворённо продолжил Кингсли. — Я посчитал своим долгом поставить точку в этой.

Раздался облегчённый выдох, и Гермиона не сразу поняла, что тот исходил от неё. Но он выражал её состояние. Догадываться, что человек не виновен, это одно, и совершенно иное услышать утверждение от него. Оно было нужно Гермионе, чтобы поставить свою точку в догадках Малфоя и переживаниях совести.

— Спасибо, — кивнула Гермиона. — Мы можем?..

— Да, — улыбнулся Кингсли.

Они развернулись и уже почти вышли за дверь, когда Кингсли в очередной раз окликнул их, заставив оглянуться.

— Я горжусь, что мне довелось с вами работать, — сказал он, прежде чем они покинули его кабинет в полной уверенности, что всё в порядке.

В Лондоне был обед. Маглы и волшебники сновали из одной стороны улицы в другую, замедляясь перед длинными витринами с разнообразными товарами. Некоторые двигались парами, кто-то в одиночестве, изредка показывались и компании. В воздухе витали ароматы выпечки, свежесваренного кофе и едва уловимого сигаретного дыма.

Два кутивших сотрудника Министерства вышли из-за угла и последовали к пекарне на другой стороне улицы. Грейнджер быстрыми шагами направилась в место, где они до этого стояли, и выудила из мантии пачку магловских сигарет. Одна из них легла между её губ, едва прикусанная зубами, пока Грейнджер хлопала по мантии в поисках зажигалки.

— Помогает? — спросил Драко, опираясь плечом на стену.

Грейнджер на мгновение замерла, а после вытащила сигарету и с некой виной в глазах взглянула на него.

— Ты разве не куришь? — спросила она, удерживая фильтр между пальцами.

— Бросил, — спокойно ответил Драко. — В мире, где существует Авада, глупо умереть от сигареты.

Она многозначительно кивнула, нервно озираясь по сторонам. Если Драко правильно помнил, с сигаретами он стал замечать её сразу после смерти Пэнси. В тот день Грейнджер начала, а он бросил, как обещал Пэнси ещё при жизни. Тогда это воспринималось шуткой, но после её гибели звучало как

единственное, что он мог сделать в её память.

— Ты всегда курил после тяжёлых дел, — сказала Грейнджер, обводя взглядом улицу. — Я считала, что мне станет легче.

— Вряд ли, — выдохнул он. — Это переключение, а не искоренение.

Произнеся это, он подошёл ближе к ней, поддевая пальцем подбородок, чтобы заглянуть в карие глаза. На них тонкой плёнкой опускалось сожаление. Грейнджер вновь возвращалась к чувству вины, хоть Драко и казалось, что он смог напомнить ей факты — в произошедшем не было ничьей вины и тем более Грейнджер.

— Кто бы ни был на твоём месте, — вкрадчиво произнёс Драко, — он бы тоже ничего не смог сделать.

— Гарри...

— Поттер сломлен, — тяжело выдохнул Драко. — Эта та боль, которую не уничтожить временем, она вымывается новыми чувствами, от которых он осознанно отказывается.

Она сглотнула ком, подступивший к горлу, и попыталась отвернуться, но Драко не позволил, удерживая её лицо перед собой.

— Тебя не хватит на все стечения обстоятельств этого мира, Грейнджер, — произнёс Драко, понимая, что это лишь первый шаг к пониманию.

— Я пытаюсь принять это для себя, — объяснила она, опуская голову на его грудь. — Но мысли возвращаются каждый раз...

— Но с большими интервалами, — продолжил за неё Драко.

Она коротко кивнула, а он положил руки на её спину, прижимая к себе и слыша, как сигарета отправляется в урну рядом.

— Ты не сразу свыкнешься с этим, — констатировал Драко, слыша её горький смешок. — Но постепенно, раз за разом, это чувство станет уменьшаться, пока вовсе не исчезнет.

Сказав это, Драко отстранился и взял её лицо в свои руки, видя, как в карих глазах стоят слёзы.

— И я всегда буду рядом, чтобы напомнить тебе об этом.

От его слов на её лице расцвела счастливая улыбка, пробуждающая и в нём светлое осознание. Драко был ей нужен так же, как она ему, и в этой идиллии не хватало разве что трепетного завершения и ощущения её губ на своих.

— Вот вы где, — голос Блейза послышался за спиной. — Нет, вы только посмотрите! Договорились увидеться, а они по курилкам зажимаются.

— И мы узнаем об этом не в счастливом патронусе, а проходя мимо Министерства, — подхватила его возмущения Уизлетта.

Драко поднял голову к небу, смеясь. Только эти двое могли испортить настолько счастливый и долгожданный момент.

— Мы с вами, вообще-то, разговариваем, — Блейз уже стоял рядом, разводя руками, пока Уизлетта обнимала Грейнджер.

— Прости, Блейз, — ухмыльнулся Драко. — Но иногда сплетни проходят мимо ваших с Уизлеттой любопытных ушей.

Грейнджер тихо засмеялась, вероятно, эта фраза давно крутилась у неё на языке. Но смелости на искромётные комментарии ей хватало только в его сторону.

— Если они оба будут вести себя так, — Блейз поочерёдно показал на Драко и Грейнджер, — я трезвым с ними встречаться не планирую. Какой из баров ближайший?

Он начал осматриваться по сторонам, пока не заметил нужную вывеску и не поспешил туда под руку с Уизлеттой. Провожающие их Драко и Грейнджер переглянулись между собой и громко засмеялись, следуя за возмущающимися друзьями.

— Забини, а ты меня разочаровываешь, — крикнула ему вслед Грейнджер. — С твоими талантами можно определить, где наливают, в точности до метра.

— Знаешь, Грейнджер... — Драко взглянул на неё, предлагая свой локоть.

Она ухмыльнулась, протиснув ладонь между рукой и телом Драко.

— Что, Малфой?

— Твои шутки нравятся мне больше, когда я перестал быть их объектом, — заключил он, направляясь в сторону бара.

— Не обольщайся, — хмыкнула она и толкнула его в бок, громко засмеявшись.

Впереди слышались голоса Блейза и Уизлетты, готовящих список ситуаций, которые их возмущают. Но даже они для Драко уходили на второй план, пока перед ним оставалась улыбчивая Грейнджер. Со светлыми глазами и без намёка на сожаление или печаль. Он сделает всё, чтобы это стало её персональной константой. *Величиной постоянной и неизменной.*

И пока Блейз, Джинни, Драко и Гермиона радовались новому дню, разливая по бокалам алкоголь и смеясь от воспоминаний, в одном из самых дальних кабинетов Министерства, куда не приближались сотрудники, о котором давно забыли уборщики и попрощались те, кто составлял план здания, сидел Гарри Поттер.

Изнеможённый, с изъятой палочкой, со связанными руками и жуткой головной болью, он смотрел в пустоту, пытаясь вспомнить последние события.

Всё лилось калейдоскопом, не позволяя построить здравую цепочку.

Здесь не было окон, только единственная дверь и свеча, висевшая в воздухе над ним. Гарри пробовал понять, был ли здесь когда-нибудь, но ни одной даже около близкой теории не возникало. Он облизнул губы, чувствуя едва уловимый привкус сахара.

Гарри всегда неумело засыпал его в кофе.

Сознание начало рассеиваться, создавая хронологию событий.

Сколько прошло времени? Он *не помнил*.

Перед ним стоял Кингсли, говоря, что ещё два аврора так и не вернулись с его тайного задания. Гарри задавал вопросы, не понимая, куда пропадают его лучшие сотрудники. Но ответов Кингсли не давал, лишь требовал новые имена, которые Гарри предложить не мог. Он не хотел мириться, что его люди исчезают, подобно пеплу на ветру.

Следом требование послать Гермиону и Малфоя. Пререкание, отказ, ужасные отчёты, чтобы их не трогали. Но всё тщетно. Вот Рон проболтался, что Гермиона хочет стать невыразимцем, а Забини в баре слишком громко доказывал Малфоя минусы должности заместителя главного аврора. *Кингсли принял решение*.

Гарри встретил Гермиону у Министерства, он пил кофе, она курила. Опять ужасные сигареты, она начала это после смерти Пэнси. *Пэнси...* Гарри скучал по ней. Следом был огневиски, крик, отправление Малфоя и Гермионы в Румынию. Уход Рона в отпуск. Опять огневиски. И Кингсли. Он стоял перед Гарри.

— Ты понимаешь, что это до добра тебя не доведёт?

Кингсли выбросил пустую бутылку в рядом стоящую урну и опустил перед Гарри, внимательно смотря в глаза.

Стыд кусал затылок. Только министр не читал ему лекцию о вреде алкоголя, впрочем, Гарри никто её не читал. Он хорошо прятал пагубную привычку, вырабатывающуюся последние месяцы. Это получалось до сегодня... или вчера? *Какой сейчас день?*

— Понимаю, что тебе больно, мой мальчик, — выдохнул Кингсли, — но у меня есть для тебя лекарство.

Гарри прищурился, пытаясь рассмотреть очертания перед собой. Это был небольшой кулон из серебра, чем-то он походил на рисунок из дела Гермионы и Малфоя. Они вернулись? У них получилось?

— Хочешь больше не чувствовать боли? — спросил Кингсли, смотря в глаза Гарри.

— Да, — ответ сорвался сам по себе, словно тело искало спасение, отделяясь от поражённого сознания.

Кингсли ухмыльнулся и выпрямился.

— Я помогу тебе.

Это было последнее, что Гарри услышал, прежде чем его поразила ужасная боль. Крик наполнил комнату в самой дальней части Министерства, куда *никто* не ходил.

Примечание к части

Узелок затягивается. Виновен ли Кингсли? Что он задумал? Какая судьба уготована Гарри? Будет ли счастлива Драмиона? Вопросов много, а ответы в следующих главах, но намекну, что ответы иногда правда лежат на поверхности, но с чьей стороны...

Пишите впечатления! Очень интересно ваше мнение!
И забегайте ко мне в тг <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 7 «Точка невозврата»

Год назад, Министерство магии, Лондон, Великобритания

Под тиканье часов, улетающие пергаменты и последние минуты рабочего дня Кингсли собирал вещи. Сегодняшний вечер обещал красивые речи, вкусную еду и приятную компанию. Он давно не виделся с друзьями вследствие своей занятости и уже давно забыл, каково это — отдыхать. Но даже у министра магии должны быть выходные, не только названные, но и моменты, когда мысли о магической Британии не одолевают.

И сегодня должен был состояться именно такой вечер — не как один из пунктов, когда по графику расписана жизнь, а заставляющий улыбаться, радоваться и отдаваться веселью вопреки всей серьёзности и важности рабочих вопросов.

Развернувшись, Кингсли уже хотел выйти из кабинета, но раздался звучный стук. Словно некто бил по двери из последних сил, от которых зависела жизнь. Бросив короткое «*Войдите*», Кингсли завёл руки за спину, глядя на аврора со множеством ссадин и ран. Он быстро вошёл в кабинет и замер.

— Нападение, — выдохнул аврор. — В Косом переулке.

— Пожиратели? — строго спросил Кингсли.

— Последователи, — покачал головой аврор. — Никого из списка Реддла среди пойманных не обнаружили.

Кингсли сжал кулак и стиснул зубы. Это было не первое нападение, удивляться не стоило. Но интервалы между ними становились всё меньше, а места происшествия люднее. От окраины города, где бродили пожилые маги, враги добрались уже до Косого переулка. Оборона слабла, последователей среди мирного населения становилось всё больше. Словно они медленно приближались к новой войне.

— Пострадавшие? — спросил Кингсли.

— Десять. Шесть авроров и четыре гражданских.

— Смерти?

— Одна.

Это было лучше, чем в прошлый раз, но не успокаивало. Кто бы мог подумать, что однажды гибель станет цифрой облегчения, когда она не восемь, а один.

— Пэнси Паркинсон, — продолжил аврор, сделав паузу.

Или не легче.

— Поттер в курсе? — с хрипотцой уточнил Кингсли.

Ком встал в горле, а тело бросило в жар. Смерть всегда ужасна. А когда понимаешь, что она ударит по твоим лучшим людям, это ощущается не просто болью, а тревожностью, смешанной с ужасом.

— Нет, — ответил аврор. — Грейнджер сообщит ему, она была там.

Кингсли коротко кивнул, разворачиваясь и возвращаясь за свой стол. Мысли вновь уводили его от искомого спокойствия, прогоняя в голове уже отработанный план: допрос пойманных, желание найти остальных, скорбная речь, похороны, попытка жить дальше. Хотя последнее с каждым разом удавалось всё сложнее.

— Мы привели зачинщика, — подал голос аврор, ловя задумчивый взгляд Кингсли.

— Веди.

Тот кивнул и скорее вышел из кабинета, отдавая приказ остальным. Кингсли мрачно посмотрел перед собой, готовясь увидеть причину очередного нападения.

Зачастую он спрашивал себя: *что привело их на ту сторону?* Почему они отвернулись от общепринятой? Как правило, ответа он не слышал или не хотел этого делать. Будто заученное заклинание случай за случаем звучали в голове сущим проклятием.

Трое авроров, с силой удерживая пойманного, вошли в кабинет. Их руки смыкались на его запястьях, плечах, шее, словно он мог напасть в любую секунду и магические оковы не помогут. А тот, нахально улыбаясь, свободной походкой двигался к столу Кингсли. Будто предвкушал скорый триумф.

— Министр, — пропел незнакомец. — Здорово, что вы здесь. Как стульчик? Удобный?

Один из авроров положил на стол Кингсли пергамент с делом пойманного.

Кристофер Джонс был полукровкой тридцати лет отроду, работал в Косом переулке продавцом и ни разу не привлекался за нарушение закона. Ни одной предпосылки к случившемуся, будто он сидел и пил чай во время обеда, когда решил напасть посреди улицы.

— Присматриваешься? — сухо спросил Кингсли, отложив пергамент.

Авроры надавили на плечи Кристофера, усаживая на стул. Тот склонил голову набок, с упоением глядя в глаза Кингсли. Будто умалишённый в преддверии своего безумства.

— Планирую скорое будущее, — ответил Кристофер. — Скоро вы все тут, — он поочередно осмотрел авроров, — поймёте, насколько оно близко.

Угроза? Скорее провокация. Они все пытались вывести Кингсли из себя, словно им это доставляло извращённое удовольствие.

— И чего же нам ждать от твоего будущего? — равнодушно спросил Кингсли.

— Величия, — пожал плечами Кристофер. — Порядка, безопасности, где будет не так просто перебить сотню магов за пару месяцев.

— Обвиняешь Министерство в действиях своих соратников? — выгнул бровь Кингсли.

— Только вас в слабости, — ответил Кристофер.

Кингсли свёл брови к переносице. Больше от впервые полученного ответа, чем от смысла сказанного. Они решили говорить? Или это была изощрённая тактика мнимой победы?

— Ты же думал, почему мы так быстро пробираемся сюда, — Кристофер огляделся. — Считаешь, кто твои враги, Кингсли? Пожиратели?

В ответ мрачная тишина. «*Последователи*» - так их называли. Потому что, по мнению Министерства, корни шли от непойманных Пожирателей смерти. Приверженцев Реддла, которые по счастливой случайности всё ещё живы.

— Мы лишь вдохновились их примером, — улыбнулся Кристофер. — Тебя ненавидят не бежавшие из Азкабана, а те, кто продолжает жить под твоей властью.

Он попытался подорваться с места, но его сразу усадили обратно две крепкие руки, сжимающие плечи. Кристофер сглотнул ком и ещё раз осмотрел своих охранников, посмеиваясь над их мгновенной реакцией.

— Это так ущербно, — проговорил он. — Когда министр магии неприкасаемая фигура, руководящая теми, кто способен переломить ему шею.

Взгляд Кристофера мазнул по лицу Кингсли, наливаясь садизмом и желанием высказаться. *Это нужно было терпеть ради информации.*

— Как быстро Реддл захватил власть, да? — спросил Кристофер. — Не думал, почему так?

Молчание.

— Потому что на твоём месте всегда сидит деловой сундук, умеющий только подписывать бумажки.

Пнув стул под собой и подскочив, Кристофер успел перегнуться через стол, чтобы схватить Кингсли за ворот рубашки и прошептать:

— Что осталось от аврора, чьему восхождению мы радовались? — спросил он.

Рывок, и Кристофер опять распластался на стуле, удерживаемый уже четырьмя парами рук и с упоением наблюдающий за Кингсли.

— Ты превратился в такой же сундук, — заключил Кристофер. — И всё происходящее на твоей совести. Каждая смерть, ранение, нападение...

Будто провокация, отыгранная сотню раз, слова лились рекой, цепляясь за

слух и уничтожая последние щепотки веры, что Кингсли делал всё правильно.

— Потому что ты позволил нам стать такими.

И Кристофер выдохнул, будто закончил многословную и длинную речь. Кингсли хотел продолжить допрос, выведать не только причины, но и имена остальных зачинщиков, их власть. Однако уже через несколько секунд Кристофер закашлял, его тело начало трястись, изо рта брызнула кровь, и он рухнул на пол, извиваясь. Авроры тут же попытались поднять его, чтобы не дать погибнуть, но смерть настигла Кристофера слишком быстро.

Лишь позднее Кингсли сообщили, что и все остальные пойманные были мертвы. С внутренней стороны щёк у каждого нашли осколки. По предположению колдомедика, это были пузырьки с тонким стеклом, которые они раскусили.

Смерть лучше предательства.

В ту ночь Кингсли уснул в своём кабинете, так никуда и не отправившись, он думал о многом, стараясь понять, что сделал не так. В какой момент его демократия и попытки восстановить страну дали сбой? Он не находил ответа.

Открыв ящик стола, где лежали магловские таблетки, он заметил лист, принесённый ему из архива несколько недель назад. Это было семейное древо его семьи, где красным обвели одно-единственное имя — Синрих Бруствер. Тёмное пятно, на котором обрывалось прошлое и где значилось название «Сабмишн».

Наше время

— Как тебе? — спросила Гермиона Живоглота через отражение.

Он поднял голову с кровати, внимательно осматривая шелковое изумрудное платье с длинными рукавами и открытыми плечами. Гермиона в очередной раз повернулась вокруг, ловя заинтересованный взгляд Живоглота и принимая удовлетворительный кивок.

— Хотя бы у одного из нас хороший вкус, — выдохнула Гермиона, поправляя волосы.

Это было их с Малфоем первое свидание после приезда из Румынии, на которое Гермиона могла явиться даже в чёрном балахоне. Это в любом случае было бы лучше одежды, в которой она каталась по земле, воде и убегала от собственных кошмаров.

Но внутри неё селилась некая потребность понравиться в первую очередь себе в отражении, а уже после произвести впечатление на Малфоя. Ей льстил его обескураженный вид. А факт, что причиной становилась она сама, Гермиону несказанно радовал. Она словно ставила на колени любимое, но временами раздражительное чистокровное эго.

Малфой зачастую был всем недоволен. Угодить ему становилось задачей из категории невозможно, поэтому работать порой становилось невыносимо. Удивить Малфоя также достаточно сложно. Он либо был равнодушен, либо не

подавал виду, настолько владел лицом и телом. Но когда он глядел на неё с блеском в глазах, улыбкой и не сдерживал желаний в объятиях и поцелуях — было невероятно.

Она становилась исключением из всех его правил, что пробуждало чувство потребности. Гермиона хотела к нему прикоснуться, слышать его голос, иметь возможность подойти и оставить след от помады на его щеке при всех. Ею руководило странное ощущение собственности, которое до этого она не понимала, но сейчас познавала.

Малфой за очень короткое время стал её спокойствием. Человеком, рядом с которым она чувствовала дом. И терять это она не хотела.

Дверной звонок в мгновение вырвал из мыслей, и Гермиона свела брови к переносице, выглядывая в коридор. Малфой должен был зайти по меньшей мере через час, и так рано она его не ждала.

Вобрав в лёгкие больше воздуха, Гермиона в последний раз бросила взгляд в зеркало и подошла к двери, открывая её.

— Привет, — улыбнулся Гарри.

— Привет, — обрадовалась Гермиона, пропуская его в квартиру.

Оглядев Гарри, она покачала головой, отходя от небольшого замешательства.

— Ты так внезапно уехал, мы тебя потеряли, — вырвалось у неё.

— Срочная задача от Кингсли, — пожал плечами Гарри, проходя в комнату и оборачиваясь к Гермионе. — Не успел никого предупредить.

Кивнув, Гермиона подошла к нему и раскрыла руки для объятий. Несколько секунд Гарри глядел в пустоту и только потом, будто придя в себя, обхватил Гермиону в ответ. От него веяло лёгким холодом и огневиски, что заставило Гермиону отстраниться и внимательно осмотреть его.

— У тебя всё в порядке? — аккуратно спросила она.

— Конечно, — ответил Гарри и отошёл чуть дальше, с улыбкой осматривая её. — Прекрасно выглядишь. Вы с Джинни встречаетесь?

Списав выпитый огневиски и мороз на долгую дорогу и волнительное задание, Гермиона решила не задавать ему вопросов.

— Нет, — сконфуженно ответила она. — У нас с Малфоем...

— Свидание? — Гарри вскинул брови вверх. — Насколько хорошо прошла вылазка в Румынию?

Гермиона рассмеялась и покачала головой, усаживаясь на диван и перекидывая ногу на ногу. Гарри опустился рядом, продолжая улыбаться намного дольше, чем делал это раньше. Обычно в присутствии Гермионы его радость продолжалась очень непродолжительное время, что она списывала на

смерть Паркинсон. Но сейчас, казалось, будто они вновь вернулись в события до её гибели. Дискомфорта, осуждения или боли в их разговоре вовсе не ощущалось.

— Мы сблизились, да, — опустил глаза, сказала Гермиона. — Знаешь, впервые за долгое время я чувствую себя живой.

— Понимаю. Очень хорошо, — в такт ей ответил Гарри.

Живоглот спрыгнул с кровати и сразу подошёл к дивану, расхаживая вокруг него и посматривая на Гарри с неким подозрением. Гарри же сразу потянулся к коту, беря его на колени и ласково поглаживая, заставляя мурчать. Рыжая шерсть липла к аврорским брюкам, пока Гермиона слушала историю Гарри о поездке.

С каждой минутой этот разговор всё быстрее возвращал Гермиону в прошлое, где они с Гарри были особенно близки. Неторопливые беседы, рассуждения, улыбки и смех. Будто Паркинсон не умерла на её руках, а Гарри не лишился невесты. Происходящее было подозрительно, но так грело душу, что Гермиона не хотела этого замечать. Аврорский скептицизм спал в самый ненужный момент.

— У меня к тебе есть вопрос, — между делом сказал Гарри. — Кингсли доверил мне найти информацию об артефакте.

Выудив из мантии рисунок, Гарри раскрыл его перед Гермионой. В мгновение она узнала в изображении сабмишн. Она пробежалась глазами по его основным функциям, которые записал Гарри. Но они волновали её не так сильно, как причина, зачем Кингсли эта информация.

— Он не сказал, зачем изучать такое? — осторожно спросила Гермиона, посмотрев на Гарри.

— Сама знаешь, в последнее время участились случаи нападений последователей, — горько выдохнул Гарри. — Это должно помочь...

— Нет, — тут же выпалила Гермиона, забирая у него пергамент и смотря в глаза. — Ты знаешь, где артефакт?

Гарри свёл брови к перносице, не понимая её переживаний, а после кивнул. Запустив ладонь во внутренний карман мантии, он достал оттуда амулет, только недавно добытый Гермионой. Выхватив его у Гарри, она сжала тот в руке, отрицательно качая головой.

— Он опасен, — едва не закричала она. — Его хранили в чаще зачарованного леса, где люди сходили с ума. Чтобы никто не мог им воспользоваться.

— Но как же...

— Его мы и привезли, — поджав губы, сказала Гермиона. — Надеялись, что он будет храниться в Министерстве, а не использоваться Кингсли для порабощения.

Живоглот соскочил с колен Гарри и ушёл в коридор, но внимания Гермиона

на него так и не обратила, поражаясь ситуации.

— Но как с помощью этого можно поработить? — не понимал Гарри, указывая на артефакт.

— Он воздействует на наш мозг, — объяснила Гермиона. — Ломая сознание и подчиняя своему владельцу. Как Империиус, только его действие уже не снять.

Гермиона встала и стала расхаживать по комнате, думая, что сейчас им предпринять. Первой мыслью было обратиться к Малфою, что она и собиралась сделать. По крайней мере, после фразы «А я говорил» он поможет найти решение.

— Человек становится безвольной куклой. Без цели, амбиций, желаний, — тараторила она.

— Но как вы тогда его забрали? — всё ещё не понимал Гарри. — Он должен был сделать с вами то же самое, разве нет?

Гермиона покачала головой, смотря на Гарри.

— Мы смогли преодолеть его, — выдохнула она. — Это был тяжело, но у нас получилось, и он больше не действует ни на меня, ни на Малфоя.

Гарри понимающе кивнул, поднимаясь с дивана и выпрямляясь. На мгновение взгляд Гермиона зацепился на хвост Живоглота, стоявшего у двери. Она уже хотела подойти и проверить, кто там, когда поняла, что на неё направлена палочка. Медленно повернув голову, она увидела Гарри, выставившего древко.

— Спасибо, мне нужно было знать, почему с вами он не сработал, — сказал Гарри.

В секунду все его доброжелательность, улыбка и тепло исчезли. На неё смотрели стеклянные глаза, лишённые жизни, словно он был под Империиусом или... Нет.

— Он сделал это с тобой, — прошептала она, видя равнодушное лицо друга.

— И я благодарен ему, — заключил Гарри. — Знаешь, теперь я тоже чувствую себя живым.

Гермиона хотела броситься за палочкой или оттолкнуть его, но в следующую секунду услышала последнее:

— Прости. Ты была хорошим другом.

И дальше только тьма.

В очередной раз поправив рубашку, Драко ухмыльнулся, оглядывая себя с ног до головы. Довольный собственным видом, он, надеясь как минимум на удивление Грейнджер, призвал букет цветов. Стоявшие в вазе розы мгновенно

оказались у него, и улыбка вновь украсила лицо.

Он давно не помнил себя таким счастливым.

Проведя рукой по волосам, Драко скорее направился к камину, напоминая себе адрес, оставленный Грейнджер. Но не успел он сделать шаг внутрь, как раздался громкий стук со стороны холла, где был выход во двор.

Напомнив себе, что все важные для него люди либо не в стране, либо ждут его по ту сторону камина, Драко не стал возвращаться. Но следующие удары, раздавшиеся почти сразу, звучали ещё настойчивее.

— И с каких пор волшебники пользуются дверьми? — раздражающе сказал Драко.

Отправив букет в вазу, он двинулся к выходу, собираясь выговорить пришедшему лекцию о существовании сов. По правилам хорошего тона, о визите стоит предупредить. Но как только дверь открылась, он не успел произнести и слова.

Несколько авроров толпой вошли в дом, едва не сбив его с ног. От удивления Драко даже не сразу узнал среди них Поттера. Тот равнодушно стоял у двери, наблюдая, как вокруг Драко образовывалась едва не стена из волшебников.

— Поттер, у тебя отвратительно с приветствиями, — высказался Драко, строго осматривая присутствующих. — Что вообще происходит?

— По распоряжению министра магии Драко Люциус Малфой должен быть доставлен в Министерство, сейчас же.

Поттер говорил равнодушно, строго, холодно, что совершенно было ему не присуще. Отчего Драко оттолкнул от себя нерешительных авроров, не готовых его увести, и подошёл к Поттеру, вставая вплотную.

— На каком основании? — сквозь зубы процедил Драко.

— Государственная измена, — пояснил Поттер.

Его глаза были подобно стеклу, словно у тех фантомов, что нападали на них с Грейнджер в лесу. И сопоставить отъезд Поттера с наличием у Кингсли артефакта было несложно. На анализ потребовались доли секунды, чтобы Драко понял — живым он не вернётся.

Крепче сжав палочку, за несколько секунд подбирая нужное заклинание, Драко собирался вступить в схватку. Но Поттеру, теперь безжалостному и лишённому прежнего себя, это стало понятно сразу.

Драко не успел даже понять, что произошло, как перед глазами показалась тьма.

Верёвки больно впивались в запястья, натирая кожу едва не до крови, висок болел от падения, а тело затекло. Открыв глаза, Драко увидел перед собой

серый грязный пол со следами ботинок, минимум трёх пар. Рядом слышались только дыхание и тихий, едва уловимый гул, словно они были далеки от мира, но оставались его непосредственной частью.

Отведя взгляд в сторону, Драко заметил нос магловских кед, которые обычно носила Грейнджер. Подняв глаза, он увидел её. Она сидела на стуле, её запястья были связаны за спиной, голова опущена вниз. Сознание к ней так и не вернулось, но она дышала, а значит, оставалась жива. Это успокаивало.

Оглядевшись по сторонам, Драко не признал помещение. Это была небольшая комната с одной-единственной свечой, что парила над ними. Без окон и с массивной дверью, что располагалась почти напротив.

Их поймали. И не кто угодно, а Поттер, которого Кингсли сломал с помощью артефакта, что ему принесли Драко и Грейнджер. Рассуждая логически, здесь они оказались по собственной вине, и за это Драко хотел себя уничтожить. Ему стоило быть настойчивее в доводах и не позволять Грейнджер идти на поводу у пустой веры в Кингсли.

Но он этого не сделал. Чего будет стоить эта ошибка? Жизни.

Раздался кашель. Грейнджер резко вдохнула и выпрямилась, в панике осматривая помещение, пока не встретилась взглядом с Драко. Она покачала головой, понимая весь ужас их положения.

Вдруг в небольшом окне на двери мелькнул свет. Драко тут же посмотрел в его сторону, а после услышал шаги. Сначала отдаляющиеся, а после приближающиеся, но уже больше. Словно дежурный позвал зачинщика происходящего. В их случае это был министр магии Великобритании.

Когда дверь открылась, в проёме показался Поттер. Он, подобно безмолвной кукле, двинулся вперёд, вставая сбоку от Гермионы и смотря прямо без единой эмоции на лице. Следом вошёл Кингсли, а после вход закрылся. Некий дежурный остался, охраняя помещение от лишних глаз.

— Драко, — спокойно произнёс Кингсли. — Гермиона.

Её имя он произнёс с характерной горечью и тяжело выдохнул. Взглянув на Грейнджер, Драко увидел слёзы, стоявшие в её глазах. Была это боль или обида, сказать сложно. Но факт, что перед ней сейчас рушился собственный мир, неоспорим.

— Как вы могли? — покачала головой она.

Разочарование, звучавшее в её голосе, было подобно скрежету лезвия о стекло. Заставляло дрожать и пробуждало потребность вырваться прямо сейчас.

— Иногда нужные для страны цели достигаются далеко не лучшими путями, — горько пояснил Кингсли, сглатывая ком, подступивший к горлу.

— Реддл говорил примерно так же, — фыркнул Драко, осуждающе смотря на Кингсли. — Стиль правления копируете?

Кингсли мрачно взглянул на Драко, а после достал из складки мантии

выпуск «Ежедневного Пророка». Заметить дату следующего дня после их несостоявшейся с Грейнджер встречи Драко сумел сразу. Но после в глаза бросился огромный заголовок, где красовались их имена.

«Гермиона Грейнджер и Драко Малфой — государственные изменники».

— Это если вы решите сбежать, — пояснил Кингсли. — Не стоит этого делать.

— И методы, я смотрю, такие же, — продолжал Драко.

— Много ты понимаешь в управлении страной, Малфой, да? — огрызнулся Кингсли, не выдержав.

Он склонился над Драко, яростно дыша и всматриваясь в глаза. От него веяло холодом и гнилью, будто душа начала разлагаться изнутри.

— По крайней мере, я не собираюсь превратить всех в марионеток, — грубо ответил Драко.

— Лучше живые марионетки, чем бесконечные смерти, — ответил Кингсли и выпрямился. — Иногда кто-то должен умереть, чтобы остальные жили.

— Не помню, чтобы тянул жребий, — продолжал Драко.

Он хотел вывести Кингсли, заставить того сорваться и воспользоваться этим. Но тот, казалось, был способен лишь на единичный порыв, а в остальном оставался разбитым. Могло даже показаться, будто Кингсли не желал всего произошедшего.

Возможно, но от этого верёвки на их запястьях не ослабнут.

— Ты просто оказался лучшим, Малфой, — ответил Кингсли, походя к Гермионе и присаживаясь рядом с ней. — И ты, Гермиона, слишком хороша, чтобы остаться.

Слёзы бежали по её щекам, она давилась ими, но молчала. Смотрела так, будто перед её глазами разрушался человек, и отрицательно качала головой.

— Вы бы заметили разницу почти сразу, — выдохнул Кингсли, поднимаясь и подходя к Гарри. — Стали бы задавать вопросы, пытаться разобраться.

Кингсли обошёл кабинет, вновь замирая у двери и смотря поочередно на Драко и Грейнджер.

— А подчинить вас нельзя.

— Поэтому вы послали ко мне Гарри? Заставили его меня...

— Он сам пошёл, — спокойно ответил Кингсли. — Если вы остановите происходящее, то остаток жизни будете пытаться вернуть его обратно.

Грейнджер посмотрела на Поттера, всё ещё глядевшего в пустоту. Казалось, будто его здесь не было — только тело, лишь оболочка.

— А он не хочет чувствовать боли, — в этот момент глаза Кингсли остановились на Грейнджер.

Она попыталась встать, но рука Поттера тут же с силой прижала её обратно к стулу, приставив палочку к горлу.

— Я бы не советовал. У него приказ убивать на поражение, — указав на Поттера, мрачно сказал Кингсли.

— Вы уничтожили в нём всё живое, — выкрикнула Грейнджер. — И зачем? Чтобы создать людей...

— Подверженных контролю, — перебил её Кингсли. — Тех, кто не убьёт друг друга без моего приказа.

Это звучало как извращённый мир в представлении Реддла. С одной лишь разницей — Кингсли сожалел о своём решении. *Или хотел, чтобы так казалось.* А Реддл упивался этим, наслаждаясь каждым мгновением триумфа.

— Завтра вас обоих казнят, — сказал Кингсли. — Для истории вы останетесь выдающимися предателями, пытавшимися убить меня.

Он смотрел в пол, не рискуя встречаться с ними глазами, словно испытывал стыд за то, что делал. Это звучало издевательской песней на могиле ни в чём не повинного человека. И Драко стоило удивиться, но не выходило. Ему, в отличие от Грейнджер, довелось разочаровываться во власти и её идеалах.

— Мне жаль, — совсем тихо произнёс Кингсли и поднял голову. — Я не хочу, чтобы вы умирали, но иначе уже не получится.

Он стиснул зубы и, бросив Поттеру приказ, куда их отвести, вышел из комнаты. Это был конец.

Примечание к части

Мы сегодня припозднились, но ничего! Новая глава уже здесь и история движется к своему логическому завершению, догадки, предположения?) Обязательно пишите мнение)

Больше меня в тг-канале <https://t.me/friendmalfoy>

Акт 8 «Это всё, что нам осталось»

Удар. Новый. Следующий. Опять. И так до тех пор, пока руки не онемели от боли, а ком не застрял в горле. Хотелось кричать, выбить несчастную дверь и восстановить справедливость. Ту, которая существовало лишь в голове Гермионы. Там она будет жива, не должна утром отправиться на казнь, а Кингсли не становился её палачом.

Прижавшись ко входу, Гермиона медленно сползла вниз, садясь на пол и подбирая ноги под себя. Голова машинально ещё несколько раз соприкоснулась с дверью, пока это не стало больно.

Перед ней была чёрно-белая комната, выложенная кафелем. В конце висела штора, сверху виднелась лейка душа, а по бокам располагались две постели. Если приколотенные к стене доски можно было так назвать. Малфой сидел сбоку от неё, он сразу опустился туда, как только дверь закрылась, и больше не вставал.

В своей манере он мог комментировать, издеваться, намекать на слабость, но он не проронил ни слова и, казалось, даже не взглянул на неё. Впервые его молчание пыталось сродни Круциатусу. Совесть терзала так же сильно, как бурлило желание выбраться. Отчего всё, что делала Гермиона, — колотила по входной двери, надеясь, что её выпустят.

Нет.

— Почему ты сидишь? — вырвалось у неё в сторону Малфоя. — Нужно пытаться найти выход, это несправедливо!

Он усмехнулся, с долей боли и отчаяния осматривая камеру, где они находились.

— Отсюда нет выхода, Грейнджер, — сказал он, откидывая голову на стену позади себя.

Никогда она ещё не видела у него подобного смирения с ситуацией. Если Малфоя что-то не устраивало — об этом знали все, даже не причастные. Кто положил свои документы на его стол, что за аврор попытался забрать его дела или чей язык повернулся выплюнуть против него гадость — всё это было наказуемо. Малфой был изобретателен по части мести и никогда не спускал произошедшее с рук.

Но сейчас, когда его жизни угрожала настоящая опасность, он просто сидел, смотрел в пустоту и молчал. Это уничтожало хуже любого монолога, оскорбительной речи или издёвки. Обыкновенная тишина.

— Выход есть всегда, — хмыкнула Гермиона и встала.

Она начала бродить по камере, пытаясь найти лазейку, ход, окно, любой способ спастись. А он лишь наблюдал за ней с долей жалости, словно абсолютно точно знал, что выбраться невозможно.

— Я разрабатывал эту камеру, — пояснил он, медленно моргая, словно в

коматозе. — Двенадцать лучших авроров не смогли выбраться отсюда во время испытаний.

Голос эхом отскакивал от стен, словно звучащий перед смертью приговор. Но Гермиона не сдавалась. Она ходила по помещению, рассматривая почти каждый сантиметр и надеясь отыскать спасение. Но всё было тщетно, камера будто смеялась ей в лицо, показывая зацепку, а потом отбирая.

Или это было собственное сознание, подкреплённое муками совести, ведь из-за неё они попали сюда. Она поверила Кингсли, убедила Драко отдать артефакт, призналась Гарри, почему он на них не действовал. Гермиона почти подвела себя и Малфоя к гильотине и лишь теперь полностью это осознавала.

Ей хотелось рыдать от безысходности, беспомощности и чувства вины, заглатывающих её с головой. Глаза неприятно щекотало, а изо рта готовился вырваться крик. Она бросила мгновенный взгляд на Драко, надеясь, что он этого не видит. Привести его к смерти и склониться в слезах — сущее издевательство.

Развернувшись, она направилась к шторе, где был душ. Крохотное место уединения в просторной камере без окон и с единственной закрытой дверью.

— Грейнджер, ты решила утопить Министерство? — послышался голос Малфоя, как только она оказалась в конце камеры.

— Хочу проверить одну теорию, — бросила она, стараясь казаться максимально бодрой.

Но, как это получилось, не услышала, была слишком сосредоточена на попытке сохранить самообладание.

Зайдя за штору, она дёрнула кран, и сверху полилась вода. Опустившись на пол, Гермиона закрыла лицо руками, ощущая, как горячие слёзы бегут по щекам, а тихие всхлипы срываются с губ. Ей нужно было вырвать из себя это чувство, выплеснуть его, но при Малфое позволить себе такого не могла.

Слишком жестоко по отношению к человеку, который пытался её спасти.

— Грейнджер, что ты там делаешь? — в его голосе слышались нотки беспокойства.

— Не переживай, — выкрикнула она, надеясь, что шум воды скроет дрожь. — Всё идёт по плану.

— Какому ещё плану? — раздражённо выругался он.

Она услышала шаги, подскочила, умывая лицо в попытке успокоиться, и сразу закрыла кран. Через долю секунды Драко раскрыл штору и развернул Гермиону к себе за плечо, смотря в глаза. И сердце едва не разорвалось от понимания. В его взгляде был всё тот же блеск. Да, смешанный с болью, разочарованием и сожалением, но всё ещё напоминавший любовь.

Гермиона смотрела на него в ответ, ненавидя себя за каждый шаг, за каждый поступок. Её всё ещё была мелкая дрожь, но не от холода, а от накатывающего безумия, застилавшего разум. Она не хотела мириться с

происходящим, но казалось, что выхода действительно нет. Это разрывало сознание, заставляя умирать раз за разом в душе и оставаться ненадолго живой в реальности. Пережить множество смертей морально, чтобы в итоге погибнуть наяву.

Драко подошёл ближе, взяв её лицо в свои руки, вытирая бегущие слёзы большими пальцами. Его касания были горячими, а стекающая вода холодной, словно единственное тепло фантазии в беспробудном морозе реальности.

— Я ненавижу себя, — прошептала она, качая головой. — Из-за меня мы оказались здесь...

— Грейнджер... — строго сказал он.

— Из-за моей слепой веры в Кингсли его «благие» намерения...

— Грейнджер... — всё в том же тоне продолжил Драко.

— Если бы я послушала тебя...

— Гермиона!

И эта попытка заставить её умолкнуть сработала. Её имя, звучащее его голосом, было глотком свежего воздуха, заставляющим хотеть жить. Той реальностью, которую вот-вот отнимут одним проклятием.

— Умереть за свои убеждения, — медленно произнёс он, — не так плохо, как кажется.

В серых глазах впервые было столько понимания, желания помочь и чувств, что Гермиона хотела в них задохнуться.

— Иногда смерть лучше предательства, — тише сказал Драко. — Даже собственных убеждений.

Слова Драко звучали как прощание, впрочем, так и было. Через несколько часов их обоих не станет.

Он прижал её голову к своей груди, целуя в висок и медленно поглаживая по влажной спине. Словно доказывал каждое слово и любовь, оставшуюся до смертного одра.

— У меня для тебя кое-что есть, — он взял её за руку, выводя из-за шторы, и подошёл к своему пиджаку, помогая ей сесть рядом.

Достав пачку сигарет, в которую была вложена зажигалка, Драко взял фильтр в рот, закуривая.

— Как ты её пронёс? — горько усмехнулась она, откидывая голову на стену.

— Оставил здесь ещё во время проектировки, — ухмыльнулся Драко.

Сделав затяжку, Драко закашлял, резко вдыхая воздух. Никотин вновь бродил по организму, напоминая, насколько может быть тяжело убежать от

эмоций. Странная горечь сразу поселилась во рту от одного лишь вида, а когда он протянул сигарету ей, то Гермiona сразу её приняла, с жадностью вдыхая.

Это было отвратительно, всё так же губительным послевкусием оставалось на языке. Но дарило некое успокоение, расслабляя.

Опустив голову на плечо Драко, Гермiona почувствовала его руку на своей талии. В отличие от замерзающей неё, он всё так же отдавал теплом, согревая не только тело, но и сознание. С ним она ощущала дом, даже когда в его дверь стучала смерть.

Сигарета медленно кочевала от неё к нему, наполняя камеру дымом, мимолётно Гермiona даже понадеялась, что должна сработать система пожаротушения. Но Драко не видел такого, поэтому и здесь её не существовало. Даже если они сгорят заживо, вполне возможно, этого не заметят.

— Выход есть, — сказал Драко, смотря в пустоту. — Нас выведут из камеры, чтобы отвести на казнь.

Он помедлил, будто ещё раз убеждаясь в верности своих слов.

— Я выхвачу палочку у одного из авроров, — продолжил он. — И пока они будут пытаться забрать её у меня, ты сбежишь.

Гермiona тут же отпрянула от него и непонимающе посмотрела в глаза серьёзного Драко.

— Без тебя я...

— Спасти сможет только один, — строго сказал он. — И я выбираю тебя.

Она попыталась воспротивиться, когда он схватил её за запястья и слегка потрянул.

— Это не обсуждается, — он отрицательно покачал головой. — Позволь мне сохранить *хотя бы это* решение.

Слёзы вновь побежали по щекам, и он нежно касался их, стирая. Гермiona понимала, что единственный, кто заслуживал смерти из них двоих, — она. Но Драко был с этим не согласен. Снова.

— Просто побудь рядом сейчас, — прошептал он, убирая волосы с её лица. — Я хочу запомнить тебя, Гермiona, очень хорошо.

...и унести это с собой в могилу.

Фраза продолжалась в сознании, отчего Гермionу вновь начало трясти, и Драко прижал её ближе к себе, пытаясь согреть влажное тело.

— Надень пиджак, — сказал Драко, передавая его ей.

Сглотнув ком, стоявший в горле, она приняла от него одежду и повернулась спиной, кивая на небольшой замок на спине. Тёплые пальцы Драко коснулись её головы, поддевая бегунок и медленно ведя вниз, пока Гермiona не скинула с

плеч платье. Машинально обняв себя, она ощутила, как по коже бежит воздух.

Поднявшись, она выскользнула из одежды, чувствуя на спине взгляд Драко. Казалось, что сейчас она была подобно злополучному фантому — почти обнажённая, в одном лишь белье, его нижней части. И мысль, пришедшая ей сейчас, заставила оглянуться и опуститься на бёдра Драко, упираясь ладонями в его плечи.

— И я хочу запомнить тебя, — произнесла она. — Очень хорошо.

Пригнувшись, она жадно впилась в его губы требовательным поцелуем. Границы дозволенного стёрлись перед лицом скорой гибели. Когда смерть стучала в их дверь, Гермиона хотела выжечь себя в памяти Драко. Чтобы осталось только настоящее, потому что прошлое закончилось, а будущего у них нет.

Тёплые руки Драко заскользили по её обнажённой спине, пуская мурашки. Пока горячее дыхание обжигало её подбородок, когда Драко на мгновение отрывался, чтобы запечатлеть этот момент в сознании. Хотелось рыдать от безысходности, потому что эта близость — последнее, что у них осталось. Но Гермиона противилась, пытаясь насладиться *здесь и сейчас*.

Пальцы Гермионы опустились ниже, поддевая водолазку Драко и стягивая её через голову, снова припадая своими губами к его. Гермиона прижималась своей грудью к его, чувствуя стук сердца и жар кожи, пока ногти царапали его спину. Было это посмертное послание или нежелание отпускать, признать бы она не смогла. Но ощущать его под своими руками было наградой, даже если дальше ждало ничего.

— Я буду любить тебя вечность, — шёпот Драко, обжигающий губы и плавящий сознание.

Гермиона рвано выдохнула, чувствуя подступающие слёзы, когда её спина коснулась ткани пиджака на полу. Драко приподнялся, внимательно вглядываясь в её лицо всё с теми же отдачей и нежностью, с которыми смотрел у шторы. Отдавая за неё жизнь, он словно становился самым счастливым человеком, и это уничтожало её погибающую душу.

Не имело значения, в какой момент она избавилась от остатков белья, а он от брюк. Но мгновение, когда Драко вошёл в неё, констатировалось громким стоном. В нём были смешаны боль, сожаление, раскаяние и любовь. А его поцелуи, взаимность, забота и нежность хоть и заставляли сердце биться быстрее, но вместе с этим не позволяли сдерживать слёзы.

Подавшись вперёд, она поцеловала его, удерживая лицо Драко в своих руках, пока он размеренно двигался в ней, пуская импульсы удовольствия по телу. Она давилась слезами, чувствовала их вкус и надеялась, что он этого не поймёт. Но Драко тоже было больно, только выражалось это в отрывистости движений, силе касаний и крепости объятий. Будто он цеплялся за неё, понимая, что потеряет.

— Я никогда тебя не забуду, — шептала она ему в губы, отстраняясь всего на мгновение.

Попытка не испортить болью удовольствие лишь распалая, заставляя наслаждаться этим. Потому что раз был последним, и надеяться на положительный исход событий — откровенная глупость.

Каждый толчок был отрывистым, стон громким, в объятия вкладывалась вся сила, а в поцелуи — всевозможная любовь. Они отдавали себя друг другу, пытались впитать всё возможное, ведь это не повторится. Сегодняшняя ночь была началом их конца, стремительно бегущим к своему финалу.

Фрикции становились быстрее, собственный голос оглушал, а реальность стиралась, пока волны удовольствия прокатывались по всему телу. Возможно, сейчас они закончатся, чтобы проснуться в другой реальности. Но это была лишь разбитая надежда, оставленная поцелуем на его губах, прежде чем он отстранился, ложась рядом с ней.

Это была камера, последняя инстанция влюблённости перед каньоном смерти, выбраться из которого уже не получится.

Авроры стояли вдоль длинной стены коридора, в конце которого виднелся свет. Гермiona шла впереди, а Драко медленно двигался сзади, смотря ей в спину. Иногда взглядом он касался ведущих его волшебников в попытке увидеть палочку. Но ни одна на глаза не попадалась, словно их предупредили о его планах.

Выйдя из коридора, они стали спускаться вниз по небольшой винтовой лестнице к главному холлу Министерства, где и должны были бросить решающие проклятия. После ступеней оставалась всего пара помещений, в которых Драко мог осуществить задуманное. Но всё ещё ни одного дровца.

На мгновение, возвращая внимание к фигуре Гермiony, он улыбнулся. Глубоко внутри себя. Как бы ужасна ни заканчивалась эта история, ещё вчера в камере он принял для себя важное решение. *Она должна жить.*

Из них двоих она заслужила эту жизнь гораздо больше, чем он. Драко не был хорошим человеком. Из него получился отличный аврор, этого не отнять, но остальное всё ещё оставляло желать лучшего. Постоянные попытки доказать нечто уже мёртвому Люциусу, что гасли лишь рядом с Гермiony. Они превратили его в подозрительного и повёрнутого на работе параноика с большим словарным запасом.

Он умел красиво говорить, напоминать людям, где их место, наказывать и устанавливать лишь ему понятную справедливость. И все эти факты никак не сопоставлялись с надеждой на выживание. Когда Гермiona была хоть и покалеченным душой, но светом. Она верила в людей. В победу эфемерного добра над злом. Была готова сражаться, зная, что выхода нет. Она проживёт без него, а он без неё нет.

Она заслужила продолжить нести лучшее в этот мир, а с его смертью на одного пафосного аврора станет меньше.

Так было нужно — ради неё и будущего, которое Гермiona сможет прожить.

Мгновение, и взгляд зацепился за древко идущего аврора. Драко крепко сжал кандалы, что блокировали магию, и, как только незнакомец прошёл рядом, резко накинул их на его шею, ударяя лбом его голову. Схватив палочку, Драко бросил её Гермионе. Но она, поймав, не ринулась бежать.

Её взгляд задержался на нём, и, вместо того чтобы спастись, она направилась к нему, хватая за запястья и пытаясь увести.

Ошибка. Ошибка. Ошибка

— Уходи, — сквозь зубы прошипел он, смотря на неё.

— Только с тобой, — отрезала она и потянула его на себя.

Спасала, даже ценой своей жизни.

Мгновение, и одно из проклятий тут же попало в неё, а следующее — в Драко. Удар в спину, вновь звякнули кандалы, и их подняли на ноги, уводя в небольшую арку, где уже собрались волшебники. Драко и Гермиону завели на импровизированную сцену с двумя стойками, у которых они и замерли, когда их привязали.

Смотря вперёд, Драко видел мнимое сожаление на лицах многих. Но понимал и замечал под ним искреннюю радость от происходящего.

Их с Гермионой смерть несла большинству сплошные перспективы: отсутствие неудобных вопросов, лучшие дела и новые должности. Подобно гиенам, что поедали остатки убитых, волшебники, бившиеся с Драко бок о бок, сейчас стояли и впитывали картину его скорой гибели.

Никому здесь не было жаль.

— Малфой!

Послышался голос с конца коридора, откуда бежал Блейз. С его губ слетали ругательства, угрозы, требования освободить и сейчас же провести публичное заседание Визенгамота. Но прорваться дальше группы авроров он не смог. Стоявшая за ним Уизлетта со слезами смотрела в глаза Гермионы, пытаясь обороняться от останавливающих её волшебников во главе с Поттером.

Драко заметил, что Уизлетта дёрнула Поттера на себя, заставив посмотреть. А он в ответ резко оттолкнул её, отчего она едва не упала. Блейз попытался ударить Поттера, но руки ему сразу заломали.

Инициатива была подавлена, а стоявший позади Кингсли с едва ощутимой горечью в голосе зачитывал приговор.

Драко повернул голову, встречаясь взглядом с Гермионой. Они оба с горечью, сожалением и болью смотрели друг на друга, улыбаясь. И сейчас Драко понимал, что жалел лишь о двух вещах.

О том, что Гермиона умрёт и что осознал, насколько он её любит, лишь перед смертью. Он хотел ещё времени рядом, чтобы запомнить это и прожить, но судьба распоряжалась иначе.

— Приговор — смерть от Непростительного заклинания, — завершил Кингсли.

И в этот момент Драко был должен глядеть в толпу, где все ждали хлеба и зрелищ. Но он смотрел лишь на неё — в секунду, когда она улыбалась, и в мгновение, когда боль пронзила его грудь, а её глаза закрылись. Это была гибель с любовью в сердце и ощущением, что они остались рядом, даже на той стороне.

И пока все медленно расходились обратно по кабинетам, словно перед ними случилось срочное собрание, а не казнь одних из самых выдающихся магов, лишь двое стояли в самом конце толпы. Они лениво смотрели на Забини и Уизли, которым и должны были передать трупы умерших. Оба едва не кричали, пытаясь совладать с эмоциями. Казалось, Уизли почти на ногах не стояла от произошедшего.

Но двух магов это волновало меньше всего, они внимательно наблюдали за Кингсли, отдающим приказы безвольному Поттеру. Улыбки на их лицах сияли всё ярче, расплываясь удивительной радостью.

— Самое время начать, — сказал Роули.

— Рано, — ответил Долохов, отпивая из фляги Обратное. — Нужно ещё немного подождать.

— Чего ждать? — тихо возмутился Роули. — Грейнджер и Малфой мертвы, Поттер овощ, что ещё тебе нужно?

Долохов недовольно фыркнул, закатив глаза. Его всегда раздражала излишняя расторопность некоторых союзников.

— Сначала Кингсли должен подчинить всех, — сказал Долохов и довольно улыбнулся. — А уже после мы поработим и его...

Примечание к части

Эта работа стала для меня историей нового уровня, апогеем серости и морали, которую я хочу донести сквозь сюжет и, кажется, это получилось. Здесь есть всё от завораживающего начала, юмора, романтики, внутренних страхов до ужасов не только собственного рассудка, но и жизни.

Безумно буду ждать ваших впечатлений от работы, сюжетных поворотов, героев и концовки насколько бы тяжёлой она не была. Спасибо всем, кто был со мной, пока эта работа писалась. А именно Ludmi1a за отзывы к почти каждой главе, KethrinaCat, Алиса в стране фф Whereiamhappy, aavanesova, Natali_art, wemi_exe и TalaTala. Вы вселяли в меня надежду на свет...

Больше меня и моих историй можно увидеть в тг канале <https://t.me/friendmalfoy>, с нетерпением буду всех вас ждать)